Серебряков Е.

Общество „Земля и воля“

Лондон

190[illegible]

№ 8. — БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ». — № 8.

Е. А. СЕРЕБРЯКОВЪ.

Общество „Земля и Воля“.

Изданіе социалдемократической организаціи «Жизнь».

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».
1902.

Общество «Земля и Воля» *).

I

Массовое движенiе русской соцiалистической молодежи въ народъ съ цѣлью пропаганды окончилось весною 1874 года страшнымъ погромомъ. Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногiе уцѣлѣвшiе пропагандисты должны были спасаться въ города, ибо и прежде трудное пребыванiе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту. Правительство забило тревогу; сыщики и жандармы стали рыскать по всѣмъ угламъ Россiйской Имперiи; мѣстныя власти насторожили уши; со всѣхъ сторонъ посыпались анонимные и открытые доносы, — такъ что не только съ цѣлью пропаганды, но даже безъ всякой цѣли интеллигентъ не могъ показаться въ незнакомую деревню, не рискуя быть схваченнымъ и доставленнымъ куда слѣдуетъ.

Арестовавъ тысячу человѣкъ, правительство думало, что нанесло смертельный ударъ русской революцiи. Но въ дѣйствительности оно этими арестами только ускорило переходъ русской революцiонной партiи изъ одного фазиса въ другой. Уцѣлѣвшiе пропагандисты не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Они даже, какъ будто, прониклись новой энергiей. Возвратившись въ города, пропагандисты первымъ дѣломъ принялись за пополненiе своихъ рядовъ, сильно порѣдѣвшихъ. Пополнить ихъ они, конечно, могли прежде всего только въ той средѣ, изъ

*) Очеркъ общества „Земля и Воля" былъ напечатанъ въ № 4 „Матерiаловъ для исторiи Русскаго Соцiально-Революцiоннаго движенiя" (Изданiе группы старыхъ народовольцевъ, 1894 года. Женева). Въ настоящемъ изданiи онъ пересмотрѣнъ и дополненъ авторомъ, товарищемъ Е. А. Серебряковымъ.

которой вышли сами, т. е. среди учащейся молодежи. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали имъ: съ одной стороны, осенью 74 года былъ невѣроятно большой наплывъ молодежи въ университетскіе города, особенно въ Петербургѣ, гдѣ Медицинская Академія и Технологическій Институтъ стали принимать гимназистовъ, не имѣвшихъ аттестата зрѣлости; съ другой, безпорядки, возникшіе въ Медицинской Академіи влѣдствіе арестовъ нѣсколькихъ студентовъ за демонстрацію противъ Ціона, привели къ закрытію всего заведенія, что вызвало сильное броженіе и недовольство между молодежью. Взволнованная молодежь была весьма воспріимчива къ пропагандѣ соціалистическихъ идей и убыль революціонеровъ быстро пополнилась съ избыткомъ.

Но многихъ изъ побывавшихъ въ народѣ соціалистовъ занимало не одно пополненіе рядовъ. Приходилось подводить итоги и думать о новомъ пути. Невольно возникалъ вопросъ: неужели такъ будетъ дальше? Болѣе тысячи человѣкъ погибло, а кого они распропагандировали? Какіе результаты принесла эта пропаганда? Почти никакихъ. И приходилось сознаться, что дѣло велось слишкомъ наивно, да иначе и не могло быть. Молодые горячіе юноши, проникнутые идеей общественнаго переустройства, думали, что стоитъ имъ надѣть мужицкую одежду, научиться немного физическому труду, — и путь въ крестьянскую среду и къ сердцу народа для нихъ открытъ. Хоть сколько-нибудь централизованной организаціи и дисциплины не только не существовало, но большинствомъ эти вещи принципіально отрицались. Дѣло обстояло такъ: была масса независимыхъ группъ, сильно отличавшихся между собою какъ по числу, такъ и по составу членовъ; люди группировались не согласно общему организаціонному плану, а на основаніи личныхъ симпатій и дружбы; общее направленіе всѣхъ этихъ группъ было соціалистическое. Всѣми признавалось необходимымъ сбросить съ себя барскую оболочку и подъ видомъ простыхъ рабочихъ итти пропагандировать въ народъ. Но на степень обязательной для пропагандиста научной подготовки и роли его въ народѣ существовали самые разнообразные взгляды, которые въ общемъ складывались, впрочемъ,

въ два главныя теченія, лавристовъ и бакунистовъ. Лавристы, какъ послѣдовательные пропагандисты, видѣли въ пропагандѣ главное средство, могущее вести къ радикальному измѣненію современнаго строя. Они признавали, что только сознательное усвоеніе соціалистическихъ идей большинствомъ народа можетъ обезпечить успѣхъ революціоннаго возстанія и выработки новаго порядка вещей. Бакунисты утверждали, что народъ самъ знаетъ свое положеніе, а что миссія пропагандиста главнымъ образомъ агитаціонная: онъ долженъ лишь указать народу на возможность выхода изъ настоящаго положенія путемъ всеобщаго возстанія. Что-же касается будущаго строя, то бакунисты ничего не предрѣшали: по ихъ мнѣнію народъ самъ, безъ всякихъ указокъ, съумѣетъ опредѣлить и создать совершенный типъ общественной организаціи. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій была масса кружковъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Всѣ эти кружки,—а во многихъ случаяхъ и отдѣльныя лица,—дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, каждый по своему. Кто изъ революціонеровъ идетъ къ сектантамъ; кто ведетъ дѣло осторожно, сначала намѣчая въ народѣ годныхъ для пропаганды лицъ и потомъ уже входя съ ними въ сношенія; а кто сзываетъ въ деревняхъ сходъ, читаетъ прокламаціи или держитъ рѣчь; иной, наконецъ, и просто разбрасываетъ и раздаетъ революціонныя книги, гдѣ и какъ попало.

Не сознавая еще ясно необходимости общей организаціи и дисциплины, а подчасъ и отрицая въ теоріи эту необходимость, пропагандисты на практикѣ вынуждены были постоянно приходить въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, вести сношенія въ виду того или другого содѣйствія, или для полученія того или другого свѣдѣнія. А это влекло за собою, вслѣдствіе отсутствія объединяющаго центра, обширную переписку, встрѣчу массы посредниковъ: изъ-за какой-нибудь ничтожной справки, полученія тѣхъ или другихъ книжекъ, пропагандисту нерѣдко приходилось входить въ сношенія чуть-ли не съ цѣлой сотней лицъ. Въ концѣ концовъ пропагандисты и безъ организаціи оказались связанными другъ съ другомъ, во многихъ случаяхъ, даже не подозрѣвая этого. Получилась какая-то странная организація, при которой каждый

дѣлаетъ что хочетъ, но его ошибки и промахи отзываются на всѣхъ. Это-то и дало возможность правительству произвести почти одновременно аресты по всей Россіи и забрать сразу до тысячи пропагандистовъ: захвативъ одно лицо, оно за нимъ тянуло цѣлую вереницу лицъ, а за этими новыхъ, и новыхъ, и такъ безъ конца. Постепенно революціонеры стали приходить къ заключенію, что бродячая пропаганда, да еще вразсыпную, безъ организаціи, безъ общаго плана дѣйствія, не приведетъ ни къ чему другому, какъ къ безполезнымъ проваламъ.

Но не только способъ пропаганды, — и сама пропаганда начала подвергаться критикѣ. Сталкиваясь съ народомъ, пропагандисты волей-неволей должны были убѣдиться въ неподготовленности массъ къ воспринятію соціалистическаго ученія въ его цѣломъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ пропагандистовъ *): «Были пропагандисты талантливые, умные и производили впечатлѣніе несомнѣнно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее, душу-то народную? Не *соціализмъ* и не анархія, конечно, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземеліе и тягота податей были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ. Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ; знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщить данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе онъ овладѣвалъ вниманіемъ своихъ слушателей. Но стоило только тому-же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось. Не то, чтобы его не хотѣли совсѣмъ слушать („пошто не послухать?“) — а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо — не слушай, а лгать — не мѣшай“. Пропагандисты *тогда*-же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но торопливость, съ какою велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубо-

*) Неизданныя «воспоминанія» одного землевольца.

кое значеніе этого факта, проанализировать его съ необходимою серьезностью.»

Итакъ, какъ результатъ наблюденія въ народѣ, среди революціонеровъ постепенно стало слагаться убѣжденіе, что пропаганда соціалистическихъ идей въ полномъ ихъ объемѣ не можетъ, при теперешнемъ развитіи народа, имѣть успѣхъ; но что общественный идеалъ, который живетъ въ народѣ въ настоящее время, по существу не противорѣчитъ требованіямъ соціализма; что общинные порядки и правовые его взгляды (напримѣръ, значеніе „трудового начала" въ обычномъ правѣ) могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ соціалистическому,—нужно только уничтожить все, препятствующее развитію „истинныхъ народныхъ стремленій", т. е. избавить его отъ экономическаго и политическаго гнета государства; что это должно быть и можетъ быть произведено только самимъ народомъ; и что надо, слѣдовательно, съорганизовать въ народѣ силу, могущую противостоять правительственной организаціи, а для этого необходимо вести агитацію на почвѣ народныхъ интересовъ. Это убѣжденіе все болѣе и болѣе выяснялось, все болѣе и болѣе пріобрѣтало послѣдователей и къ 1876 году подъ именемъ „народничества" охватило почти всѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ того времени, кромѣ лавристовъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалось народничество, само собою разумѣется, оно требовало отъ революціонеровъ новой тактики. Вмѣсто кочевой пропаганды изъ села въ село была необходима осѣдлость въ деревняхъ, въ видѣ устройства мастерскихъ, поселеній; необходимо было занятіе мѣстъ фельдшеровъ, фельдшерицъ, волостныхъ писарей и прочее. Для того чтобы организовать народъ, надо было имѣть прочное положеніе среди него въ данной мѣстности. Та-же идея организаціи народа требовала не одиночекъ-поселенцевъ, а группъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ результатъ всего этого, росло сознаніе необходимости болѣе правильной общей организаціи самихъ революціонныхъ силъ. Къ осени 1876 года это сознаніе настолько выяснилось, что перешло на реальную почву: организовалось общество „Земля и Воля", являющееся представителемъ второго періода революціонной дѣятельности „народничества".

II.

Въ это время въ Петербургѣ существовалъ кружокъ, образовавшійся изъ остатковъ чайковцевъ и нѣкорыхъ другихъ присоединившихся къ нему лицъ. Существовалъ онъ съ 75-го года и пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ революціонномъ мірѣ устройствомъ побѣга Кропоткина и участіемъ въ демонстраціи по случаю смерти Чернышева. И вотъ когда назрѣла потребность въ объединеніи революціонныхъ силъ въ правильную организацію, этотъ кружокъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, довольно тѣсно связанными съ нимъ, кружками Петербурга и Москвы, явился центромъ объединенія.

Осенью 1876 года пріѣхали въ Петербургъ представители отъ харьковско-ростовскихъ кружковъ (въ томъ числѣ Осинскій и Боголюбовъ), чтобы вступить въ переговоры съ этой группой петербургско-московскихъ кружковъ. Начатые переговоры окончились полнымъ соглашеніемъ. Харковско-ростовскіе кружки вполнѣ присоединились къ сѣвернымъ, образовавъ вмѣстѣ съ ними общество „Земля и Воля".

Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнія о моментѣ созданія этой организаціи только-что пріѣхавшій въ Петербургъ Александръ Михайловъ въ своей автобіографіи:*) «Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ (Сабуровъ) и его компанія, Михаилъ Поповъ съ компаніей, Иви—чъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ и ея друзья. Эти нѣсколько человѣкъ были вполнѣ одномыслящими, но такъ какъ среди нихъ были люди во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ ихъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное; на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ; я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ

---

*) „На Родинѣ", № 3 стр. 16.

задачамъ. Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основанiи проекта организацiи революцiонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ-учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширенiи практической выработки и развитiя организацiи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ дѣятелей нашего общества было много явно губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества; но недостатокъ ежиминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанiю характеровъ членовъ соотвѣтственно организацiи мысли. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать справедливость—едва-ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непрiятностей, иногда даже насмѣшекъ! Но все-таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указанiй, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ-же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и прочими. И опять таки сама жизнь поддержала насъ —эти принципы восторжествовали».

Общество „Земля и Воля" имѣло цѣлью объединить всѣ революцiонные элементы въ одну партiю и двинуть ихъ на работу въ народныхъ массахъ, съ цѣлью организовать тамъ такую силу, которая съумѣла-бы въ благопрiятный моментъ или сама вызвать всеобщее возстанiе, или-же, воспользовавшись самостоятельнымъ возстанiемъ, дать возможность этому возстанiю побѣдить правительство. Программа общества была такова:

Программа Сѣверно-русскаго общества
«Земля и Воля».

«Вѣковой разладъ свой съ государствомъ и высшими классами русскiй народъ выразилъ въ революцiонной формулѣ «Земля и Воля».

«Эта формула служила девизомъ классовыхъ народ-

ныхъ движеній и, въ сжатомъ видѣ, выражаетъ всѣ стремленія и требованія, до которыхъ додумалась самобытная народная мысль, возвышалась народно-революціонная инициатива.

«Становясь на сторону народа, революціонная интеллигенція не можетъ игнорировать формулы выраженія народныхъ воззрѣній и народнаго недовольства, сохранившей все свое значеніе и до настоящей минуты.

«Эта формула должна служить девизомъ объединенія революціонной интеллигенціи съ угнетеннымъ народомъ.

«Сѣверно-русская революціонная организація соціалистовъ-федералистовъ пишетъ ее на своемъ знамени, считая, однако, своею обязанностью освѣтить и расширить эту формулу на основаніи выводовъ и данныхъ современаго соціализма.

«Поэтому общество «Земля и Воля» объявляетъ себя солидарнымъ съ программою «русскихъ соціалистовъ-федералистовъ», а вслѣдствіе этого и съ принципами Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

«Взвѣшивая различныя стороны современныхъ общественныхъ отношеній въ сѣверной Россіи*) съ точекъ зрѣнія, изложенныхъ въ программѣ русскихъ соціалистовъ-федералистовъ руководящихъ принциповъ, общество «Земля и Воля» признаетъ:

«а) такъ какъ въ настоящее время крестьянство составляетъ въ этой части Россіи коренную силу въ экономическомъ и численномъ отношеніяхъ;

«б) такъ какъ, вслѣдствіе своихъ исконныхъ воззрѣній на трудъ, какъ на единственную основу движимой и недвижимой собственности, крестьянство не признаетъ права на землю за тѣми, кто не обрабатываетъ ее своими руками;

«в) такъ какъ это противорѣчіе между правовыми воззрѣніями крестьянства и высшихъ классовъ выражается въ повсемѣстномъ почти и очень напряженномъ ожиданіи земельнаго передѣла, т. е. отобранія

---

*) Называя себя Сѣверно-русскимъ, общество «Земля и Воля» относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго сѣвера.

земли у высшихъ сословій и передачи ея въ руки земледѣльцевъ;

«г) такъ какъ вслѣдствіе сохраненія поземельной общины, какъ преобладающей формы крестьянскаго землевладѣнія въ сѣверо-восточной Россіи, переходъ земли въ руки народа знаменовалъ бы собою уничтоженіе частнаго землевладѣнія и замѣну его коллективнымъ;

«д) такъ какъ при современномъ состояніи орудій народной промышленности, артельная организація промысловъ является слѣдствіемъ общинныхъ привычекъ народа, выросшихъ на почвѣ коллективнаго землевладѣнія;

«е) такъ какъ трудящееся населеніе центровъ крупной промышленности въ сѣверо-восточной Россіи не разорвало еще связи съ деревней и, кромѣ того, по своей малочисленности не можетъ даже начать борьбы за свои интересы, помимо союза съ крестьянствомъ;

«—то, на основаніи всего вышесказаннаго возможно скорѣйшее совершеніе ожидаемой народной аграрной революціи было-бы весьма существенно, какъ переходная ступень для полнаго переустройства общества на соціалистическихъ основаніяхъ. А потому сосредоточеніе главныхъ силъ общества «Земля и Воля» въ деревнѣ съ цѣлью агитаціи на почвѣ вышеуказанныхъ требованій земельнаго передѣла и организаціи народно-революціонныхъ силъ является одною изъ главнѣйшихъ задачъ его.

«Необходимымъ дополненіемъ къ революціонной дѣятельности въ деревнѣ общество «Земля и Воля» считаетъ пропагандистическую, агитаціонную и организаторскую дѣятельность въ средѣ промышленныхъ рабочихъ.

«*Примѣчаніе.* Что касается агитаціи между городскими рабочими, то, въ виду отсутствія въ этой средѣ такихъ общераспространенныхъ требованій какъ земельный передѣлъ въ крестьянствѣ, агитація на почвѣ частныхъ поводовъ недовольства — стачки, вопросъ о заработной платѣ, величина рабочаго дня и прочее — пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Пріемы революціонной дѣятельности общества «Земля и Воля» должны разнообразиться согласно мѣстнымъ

экономическимъ, историческимъ, этнографическимъ и другимъ особенностямъ.

«Признавая, что современныя условія въ Россіи выдвигаютъ на первый планъ агитацію во имя земельнаго передѣла, признавая необходимость пользоваться частными спеціальными поводами народнаго недовольства, при чемъ на обязанности революціонера лежитъ возможно большее расширеніе района народныхъ волненій и внесеніе въ нихъ болѣе широкой революціонной идеи, общество «Земля и Воля» считаетъ соціалистическую пропаганду весьма важнымъ средствомъ созданія сознательнаго меньшинства въ рядахъ народно-революціонной организаціи.

«Къ числу агитаціонныхъ средствъ въ мѣстностяхъ, гдѣ народное недовольство принимаетъ *особенно острый характеръ*, общество «Земля и Воля» относитъ *терроризацію* правительственныхъ чиновниковъ, кулаковъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ и т. п.

«Въ виду того, что всякая форма государственной организаціи, основанной на различіи классовъ, является воплощеніемъ и поддержкой интересовъ эксплуатируемаго меньшинства, что современное россійское государство является самымъ беззастѣнчивымъ и самымъ грубымъ выразителемъ этой тенденціи, общество «Земля и Воля» признаетъ необходимость непосредственной борьбы съ его представителями, то есть такъ называемаго террора политическаго.

«Однако общество «Земля и Воля» признаетъ, что сосредоточеніе на этой борьбѣ не только всѣхъ, но даже и главныхъ его силъ поставило-бы его въ противорѣчіе съ указанными выше задачами аграрной революціи.

«Въ виду возможности конституціоннаго движенія въ Россіи, общество считаетъ необходимымъ воспользоваться естественнымъ въ такой моментъ возбужденіемъ умовъ, чтобы ослабить вѣру народа въ значеніе мирныхъ легальныхъ реформъ. Напримѣръ, во время избирательной агитаціи оно можетъ выставить даже и своихъ кандидатовъ съ соціально-революціонной программой. Отношеніе къ такой программѣ громаднаго парламентскаго большинства послужило-бы одной изъ иллюстрацій того положенія, что народу остается надѣяться лишь на революцію».

Общество «Земля и Воля», въ виду предстоящей ему разнообразной дѣятельности, раздѣлилось на слѣдующія группы: 1) администрація, или центръ; 2) группа для пропаганды среди молодежи; 3) рабочая группа для пропаганды среди рабочихъ; 4) группа дезорганизаторская; 5) деревенщики, для непосредственной организаціи народа. Кромѣ того, скоро выработался такъ называемый Совѣтъ, какъ выразитель мнѣнія всѣхъ тѣхъ членовъ общества, которые фактически могли въ извѣстный моментъ дать свой голосъ по какому-либо важному и въ то-же время экстренному дѣлу. Вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о назначеніи и роли этихъ группъ одинъ изъ серіозныхъ землевольцевъ, который участвовалъ въ «Землѣ и Волѣ» съ самаго ея начала до конца (имени его, къ сожалѣнію, я не могу упомянуть):

«А) *Администрація* («центръ»).—Она, какъ названіе ея показываетъ, вѣдала всѣ дѣла общества. Мѣстопребываніемъ администраціи должна была быть обязательно столица (Петербургъ). Составъ ея мѣняется и члены ея выбираются по большинству голосовъ. Это была самая дѣятельная группа при основаніи общества. Да иначе и не могло быть. Работа была самая египетская. Помимо того, что группа управляла всѣми дѣлами общества, она еще служила бюро для всевозможныхъ справокъ посторонним лицамъ. Въ рукахъ администраціи была и «небесная канцелярія» (паспортное отдѣленіе, фабрикація паспортовъ), а это одно поглощало много времени, особенно впослѣдствіи, когда запросъ на паспорта увеличился до нельзя. Это вынудило администрацію образовать особую паспортную группу съ ея подраздѣленіями. Какъ ни велико было значеніе администраціи, но она не могла сдѣлать серьезнаго шага, не спросивши разрѣшенія *Совѣта*, а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. „Совѣтъ" собственно не составлялъ отдѣльной группы съ опредѣленными обязанностями. Да и составъ его крайне измѣнялся. Въ него, со включеніемъ Администраціи, входили тѣ члены общества, которые постоянно или временно находились въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ. Когда предстояло дѣло, не терпящее отлагательства, то Администрація обыкновенно обращалась за совѣтомъ и указаніями ко всѣмъ находя-

щимся въ наличности членамъ общества. Практика укрѣпила этотъ обычай, и Совѣтъ сталъ существовать *фактически*, какъ очень полезная пружина въ общемъ механизмѣ управленія.

«Б) *Интеллигентная группа.*—Пропаганда, агитація и организація въ средѣ молодежи.

«В) *Рабочая группа.*—То-же въ средѣ рабочихъ.

«Г) «*Деревенщина*».—Самая многочисленная группа, поприщемъ дѣятельности которой была провинція вообще.

«Д) *Дезорганизаторская группа.*—Характеръ дѣятельности этой группы, тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность, въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ разнообразными лицами правительственныхъ сферъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ последнихъ, открывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей. Въ спеціальномъ смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность преслѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей; 2) защита отъ правительственнаго произвола. Уже тогда было извѣстно, что правительственныя лица, особенно въ тюрьмахъ, позволяютъ себѣ возмутительные поступки съ заключенными, чтобы вынудить у нихъ нужныя имъ показанія. Въ виду этого общество «Земля и Воля», не задаваясь непосредственною цѣлью борьбы съ правительствомъ, сочло тѣмъ не менѣе нужнымъ создать группу для *спеціальныхъ* случаевъ такой борьбы, когда этого, напримѣръ, требовала честь всей революціонной партіи. 3) Самозащита. Случаи измѣны уже были въ то время, а въ виду расширяющагося изо дня въ день революціоннаго движенія ихъ слѣдовало естественно ждать и въ будущемъ. Потому общество возложило на дезорганизаторовъ обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого лица, «изъять это послѣднее изъ обращенія», т. е. убить. Необходимость и возможность этой мѣры доказаны впослѣдствіи опытомъ.

По уставу общества, дезорганизаторской группѣ были предоставлены широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Дезорганизаторская группа имѣетъ право образовать секцію съ такимъ же направленіемъ вездѣ, гдѣ по обстоятельствамъ она найдетъ это нужнымъ. Всѣ предпріятія дезорганизаціоннаго свойства должны вестись строго-конспиративно. Администрація или Совѣтъ должны лишь знать въ самыхъ *общихъ* чертахъ о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ; всякія-же *детали* остаются въ глубокой тайнѣ».

Что касается собственно устава общества, то у того-же автора мы находимъ на этотъ счетъ нѣсколько общихъ указаній безъ всякихъ подробностей. Между прочимъ каждой группѣ и каждому члену группы вмѣнялось въ обязанность всячески вызывать образованіе новыхъ секцій, преслѣдующихъ тѣ-же цѣли и по тому-же плану, что и общество. Примыкая къ нему, секціи сохраняютъ полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Въ виду возможной убыли членовъ, основателю секціи дается право привлекать къ обществу тѣхъ или другихъ лицъ, согласно уставу. Наконецъ, уставъ требовалъ годичнаго пересмотра программы.

Зима 76—77 гг. прошла для общества «Земля и Воля», главнымъ образомъ, въ организаціонной работѣ. Велись переговоры съ кіевскими и одесскими революціонерами на счетъ присоединенія ихъ къ обществу. Полнаго присоединенія, однако, не состоялось, но были установлены тѣсныя федеративныя отношенія. Были собраны справки по всей Россіи объ отдѣльно стоящихъ кружкахъ и лицахъ народническаго направленія, и многіе изъ этихъ кружковъ и лицъ были присоединены къ обществу. Эта усиленная дѣятельность не пропала даромъ: вмѣсто разрозненныхъ группъ революціонеровъ возникла довольно крупная, тѣсно сплоченная организація, которая могла начать дѣйствія по опредѣленному плану и противопоставить организованной силѣ правительства организованную силу революціонеровъ. Кромѣ этой работы по расширенію и упроченію общества, часть членовъ его продолжала заниматься пропагандой среди молодежи и рабочихъ. Наконецъ, дѣятельно велись и приготовленія къ поселеніямъ.

Въ эту же зиму произошло событіе, на первый взглядъ представлявшее неудачу для общества, но имѣвшее большое косвенное вліяніе въ будущемъ. Члены партіи, занимавшіеся пропагандой среди рабочихъ, составили преувеличенное понятіе о числѣ распропагандированныхъ и о степени ихъ революціонности. Они утверждали, что возможно собрать нѣсколько тысячъ рабочихъ на площади въ Петербургѣ. Ихъ увлеченіе передалось и другимъ членамъ партіи, и вотъ было рѣшено устроить публичную манифестацію, которая была бы въ нѣкоторомъ родѣ смотромъ рабочимъ силамъ въ Петербургѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ познакомила бы общество съ задачами и стремленіями русской революціонной партіи. Вообще, этой манифестаціи придавалось огромное агитаціонное значеніе какъ для рабочихъ, такъ для молодежи и для общества. Было рѣшено собраться 6-го декабря на молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, и если сойдется рабочихъ не менѣе двухъ-трехъ тысячъ, выйти изъ церкви на площадь, развернуть красное знамя, произнести приличествующую данному случаю рѣчь и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, пройтись по городу или разойтись. Но, во всякомъ случаѣ, непремѣннымъ условіемъ начала демонстраціи было поставлено присутствіе не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ манифестантовъ. Однако, вопреки принятому рѣшенію, хотя и собралось только 200—300 человѣкъ, нашелся ораторъ, который началъ говорить рѣчь; явившіеся столпились вокругъ него на площади и развернули знамя. Дѣло кончилось, конечно, такъ, какъ многіе предвидѣли. Въ виду малочисленности манифестантовъ, полиція направила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч., и началось поголовное избіеніе. Человѣкъ 20 было арестовано, а другіе успѣли разбѣжаться. Въ первую минуту эта демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе. Но правительство само постаралось исправить ошибку революціонеровъ. Безобразно жестокій приговоръ надъ казанцами вызвалъ общій крикъ негодованія и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ обществу, что демонстрація, очевидно, уже не такъ была смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ.

III.

Весною 1877 г. значительная часть Общества двинулась въ провинцію заводить поселенія съ цѣлью агитаціи и организаціи народа. Явились поселенія въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губ., на Кубани и на Дону. Устраивались они приблизительно такъ: выбравъ мѣстность для поселенія, группа отправлялась въ ближайшій городъ, оставляла тамъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, которые становились центромъ, остальные же члены разселялись по всему району данной мѣстности. При разселеніи по деревнямъ революціонеры въ это время стремились занять другое положеніе, чѣмъ въ періодъ пропаганды. «Прежнее догматическое утвержденіе*), требовавшее, чтобы революціонеръ отправлялся въ народъ въ качествѣ чернорабочаго, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось по прежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никоимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность,—а потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру, при полной матеріальной самостоятельности, открывалась бы широкая возможность прійти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться вліяніемъ на ихъ общественныя дѣла. Въ силу этого люди устраивались хозяйственнымъ образомъ въ положеніи всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей и проч. Особенно желательнымъ считалось, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ изъ уроженцевъ данной мѣстности.»

Устройство поселеній съ первыхъ же шаговъ встрѣтило массу препятствій. Начальство было на сторожѣ, и поселенцамъ приходилось часто бросать устроенныя

---

*) Неизданныя воспоминанія землевольца.

мастерскія и оставлять занятыя должности, переѣзжать въ новыя мѣстности подъ новыми фамиліями. А тамъ опять повторялось то-же самое, и рѣдко-рѣдко когда удавалось поселенію просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ или годъ. Но за то въ этихъ исключительныхъ случаяхъ революціонеры заслуживали любовь, уваженіе и довѣріе крестьянъ. Недаромъ нѣкоторые представители администраціи и земства, узнавши, что лица, съ которыми они по разнымъ дѣламъ сталкивались, принадлежатъ къ соціалистической партіи, говорили, что если всѣ соціалисты таковы, то они вскорѣ завоюютъ народъ. Такъ, напр., даже сельскій священникъ давалъ о Гартманѣ показанія весьма благопріятныя и былъ страшно пораженъ, услышавъ, что его знакомецъ — одинъ изъ участниковъ «злодѣйскаго» покушенія. Но, повторяю, мало-мальски прочныя поселенія были рѣдкимъ исключеніемъ: въ большинствѣ случаевъ, въ виду гоненій, поселенцамъ приходилось постоянно перекочевывать. Приведу для характеристики то мѣсто изъ обвинительнаго акта по дѣлу Соловьева, въ которомъ говорится о его пребываніи въ Самарской и Саратовской губерніяхъ.

Весною, въ 1877 году, съ «открытіемъ навигаціи онъ, Соловьевъ, отправляется въ Самару. Еще ранѣе этого, въ Самарѣ образовался кружокъ соціалистовъ-революціонеровъ, въ которомъ непослѣднюю роль игралъ нѣкто Маркъ Николаевичъ Платоновъ, оказавшійся впослѣдствіи Юріемъ Богдановичемъ, черезъ посредство котораго сблизился съ этимъ кружкомъ, по пріѣздѣ въ Самару, Александръ Соловьевъ. Къ этому-же кружку принадлежали, между прочими лицами, какой-то Григорій Ивановъ Лебединцевъ, настоящее имя и званіе котораго остаются до сихъ поръ неизвѣстными, и Марья Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, также проживавшая большей частью подъ вымышленными именами и съ фальшивыми паспортами. Уже въ половинѣ мая Соловьевъ подъ именемъ Ивана Сидоровича, при содѣйствіи двухъ товарищей, Ивана Ивановича и достаточно «пропагандированнаго», какъ выражается Соловьевъ, рабочаго Семена Васильева, устраиваетъ кузницу въ селѣ Преображенскомъ, въ 45 верстахъ отъ Самары, на которую затрачиваетъ, по его словамъ, деньги, оставшіеся у него отъ годового оклада жалованья,

полученнаго при отставкѣ въ 1875 г. Весною-же 1877 года въ первый разъ пріѣзжалъ въ Самару Николай Богдановичъ, съ цѣлью покупки дома для устройства кузницы, который черезъ брата Юрія и Соловьева познакомился со всѣми поименованными лицами. Въ 20 числахъ августа того-же года, Соловьевъ съ товарищами бросаетъ кузницу въ Преображенскомъ и переѣзжаетъ въ Самару, гдѣ его застаетъ Николай Богдановичъ, во второй свой пріѣздъ, больнымъ лихорадкою. Въ то-же лѣто Лебединцевъ устраивается волостнымъ писаремъ въ Богдановской волости, Бузулукскаго уѣзда, куда помѣщается въ іюнѣ помощникомъ волостного писаря Платоновъ, вмѣстѣ съ которымъ въ сентябрѣ они переводятся на тѣ-же должности въ Страховскую волость; здѣсь къ нимъ присоединяется Марія Лешернъ, а Соловьевъ остается въ Самарѣ и проживаетъ съ нѣкіемъ Иваномъ Ивановымъ Звѣревымъ, земскимъ фельдшеромъ, по всей вѣроятности, бывшимъ его компаніономъ по кузницѣ въ Преображенскомъ. О личности Звѣрева Соловьевъ не пожелалъ дать опредѣленныхъ объясненій, сказавъ, однако, что онъ былъ рекомендованъ ему, какъ человѣкъ ихъ партіи, съ которымъ можно имѣть дѣло. По справкамъ оказалось, что подъ именемъ Звѣрева проживалъ въ Самарѣ бывшій студентъ Харьковскаго университета Александръ Ивановъ Медвѣдевъ, сосланный административнымъ порядкомъ въ 1873 г. въ Шенкурскъ и оттуда вскорѣ бѣжавшій. Съ ноября Соловьевъ старается получить мѣсто сельскаго учителя, подъ своимъ настоящимъ именемъ, черезъ инспектора народныхъ училищъ Самарской губерніи Каменецкаго, у котораго онъ нѣкоторое время занимается по частному найму въ канцеляріи, получая 16 руб. въ мѣсяцъ; но вслѣдствіи запроса о немъ по мѣсту прежней его службы въ Торопецкомъ уѣздномъ училищѣ, на который Соловьевъ не могъ ждать благопріятнаго для себя отвѣта, онъ, 24-го декабря, взялъ свои бумаги и скрылся. 30-го декабря изъ села Страхова скрываются Лебединцевъ и Лешернъ, а 3-го января 1878 года Соловьевъ появляется въ селѣ Алексѣевскомъ, гдѣ состоялъ волостнымъ писаремъ Платоновъ, и вмѣстѣ съ послѣднимъ на другой день уѣзжаетъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, въ Самару. Причиною такого одновремен-

наго и внезапнаго бѣгства означенныхъ лицъ послужило то обстоятельство, что въ Самарѣ по телеграфу получено ими было извѣстіе объ арестѣ 18 декабря въ Петербургѣ дворянки Чепурновой, отправлявшейся въ Самару, при которой найдены были письма ка самарскимъ соціалистамъ, неоставлявшія никакого сомнѣнія въ существованіи въ Самарѣ противозаконнаго сообщества съ революціонными цѣлями, во главѣ котораго стояли Юрій Богдановичъ и Лебединцевъ и къ которому принадлежали всѣ вышепоименованныя лица. По словамъ самаго Соловьева, съ января по май 1878 года онъ скитался по Тамбовской и Воронежской губерніямъ, гдѣ старался получить мѣсто кузнеца, волостного писаря или сельскаго учителя, но потерпѣлъ во всемъ неудачу и затѣмъ направился въ Саратовскую губернію, надѣясь тамъ встрѣтить людей соціально-революціонной партіи и черезъ нихъ получить какое-нибудь занятіе, соотвѣтствующее преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ. Дѣйствительно, Соловьевъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ, что даетъ основаніе предполагать, что онъ хорошо зналъ, что̀ дѣлаютъ его единомышленники въ Саратовской губерніи. Въ маѣ въ Вольскомъ уѣздѣ пристраиваются волостными писарями Платоновъ и Лебединцевъ, но съ новыми именами и съ фальшивыми паспортами, первый—подъ именемъ Витевскаго, въ Царевщинской волости, а второй — подъ именемъ Страхова, сначала въ Булгаковской, а потомъ въ Болтайской въ сопровожденіи той-же Лешернъ, скрытой подъ фамиліей Сговоровой. При посредствѣ этихъ близкихъ ему людей Соловьевъ поступаетъ волостнымъ писаремъ-же въ сосѣднюю Стригайскую волость, подъ именемъ Ивана Петровича Печкарева. Въ концѣ ноября того-же года Соловьевъ оставляетъ мѣсто стригайскаго волостного писаря, желая получить должность сельскаго учителя, послѣ чего переѣзжаетъ къ Страхову (Лебединцеву) въ село Болтай. Проживъ тутъ цѣлый мѣсяцъ, Соловьевъ уѣхалъ 25 декабря въ Саратовъ вмѣстѣ съ Витевскимъ, возвратившимся въ село Царевщину 27-го декабря. Что касается Соловьева, то онъ, по его собственнымъ указаніямъ, убѣдившись, что, занимая должность волостного писаря, нельзя принести никакой пользы соціально-революціонному дѣлу, рѣшился ѣхать въ Петербургъ для пріисканія

занятій, болѣе соотвѣтствующихъ цѣлямъ, на служеніе которымъ онъ посвятилъ свою жизнь».

Такая картина представлялась почти во всѣхъ мѣстахъ. Преслѣдуемые революціонеры вынуждены постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, теряя при этомъ каждый разъ многихъ товарищей, которыхъ захватывало правительство. «Къ величайшему нашему несчастью, пишетъ одинъ изъ участниковъ *), главнымъ образомъ политическія условія дѣйствовали разрушительно на революціонныя наши поселенія, убивая ихъ одновременно повсемѣстно одно за другимъ. Такъ къ концу 77 года не осталось почти ни одного крупнаго поселенія; они всѣ рухнули, не просуществовавъ и одного года. Многіе члены этихъ поселеній были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались во всѣ стороны. Пропалъ годъ усиленныхъ трудовъ, порваны связи, но вѣра еще крѣпка, силы не надорваны. И вотъ, весною 78 г. образовалось въ Саратовской-же губерніи новое поселеніе. Въ составъ его вошли лучшія силы самарскаго поселенія и коекакія уцѣлѣвшаго саратовскаго. Одновременно почти съ этимъ землевольцы основали въ Воронежской губ. другое поселеніе. Оба эти поселенія по составу лицъ и организаціи не оставляли желать ничего лучшаго. Многіе члены этихъ поселеній впослѣдствіи показали свою способность, энергію и дѣятельность на террористическомъ пути. Но здѣсь на почвѣ народа злой рокъ попрежнему преслѣдовалъ ихъ. Эти новыя поселенія вскорѣ распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло послѣ 2-го апрѣля 1879 года».

Но, и помимо полицейскихъ преслѣдованій, поселенцамъ волей-неволей приходилось убѣждаться, что деревня въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ поля для агитаціонной дѣятельности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соціалистамъ удалось пробыть довольно долгое время и пріобрѣсть вліяніе среди крестьянства, они, въ концѣ концовъ, должны были признать, что въ настоящую минуту нѣтъ никакой возможности организовать народъ съ революціонными цѣлями, и что вся реальная дѣятельность поселенца, если онъ не жела-

---

*) Неизданныя воспоминанія землевольца.

етъ немедленно попасть въ руки полиціи, сводится къ культурной работѣ. Исключеніе представляло только Чигиринское дѣло, но эта организація была создана при исключительныхъ обстоятельствахъ, и при томъ отъ имени царя, на основаніи подложныхъ грамотъ, что, конечно, было въ полномъ противорѣчіи, какъ съ самыми принципами революціоннаго соціализма, такъ и съ ближайшими цѣлями партіи. Да и подлогъ могъ имѣть значеніе лишь одинъ разъ, пока не открытъ, повтореніе же всегда неудачно.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ многіе изъ революціонеровъ-поселенцевъ разочаровывались и возвращались въ города. Новыхъ-же поселеній устраивалось все меньше и меньше. А послѣ 1879 года ихъ и совсѣмъ почти не стало.

IV

Въ то время, какъ большая часть землевольцевъ, отправившись въ деревню, дѣлала попытки поселеній съ цѣлью организаціи народа, оставшіеся въ городахъ члены общества продолжали пропаганду и агитацію среди городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи. Для характеристики дѣятельности землевольцевъ среди городскихъ рабочихъ приведу выдержку изъ воспоминаній Г. Плеханова*). „Въ сношеніяхъ съ рабочими «землевольцы» всегда держались слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе «рабочаго дѣла» (ихъ всегда было немного, самое большее: 4-5 человѣкъ), обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ революціонеровъ. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу «Земля и Воля», но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873-74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача «землевольцевъ» и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. «Старые» по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ

* «Соціалдемократъ» № 3.

нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сносилась, главнымъ образомъ, «интеллигенція». На этихъ людей мы вполнѣ могли положиться. Нелѣпо было-бы бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, «землевольцы» и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ онъ проживалъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той-же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными спеціальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ ними на «конспиративной квартирѣ», гдѣ происходили общія кружковыя собранія. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный кружокъ собственными силами долженъ былъ привлекать новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центральнаго рабочаго ядра, каждое воскресенье сходившимся на общее собраніе".

Члены землевольческой рабочей группы принимали также дѣятельное участіе въ нѣсколькихъ стачкахъ, происходившихъ въ Петербургѣ. Болѣе крупныя изъ этихъ стачекъ были на фабрикахъ «Ново-бумагопрядильной» и Шау. Землевольцы являлись довѣренными совѣтчиками и отчасти руководителями стачечниковъ, а также оказывали посильную помощь нуждающимся стачечникамъ, устраивая сборы среди интеллигенціи.

Для характеристики взаимныхъ отношеній рабо-

чихъ и революціонеровъ того времени при нѣкоторыхъ стачкахъ приведу двѣ выдержки изъ воспоминаній Г. Плеханова: *)

«Первая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ вызвана была, въ Мартѣ 1878 г. значительнымъ пониженіемъ заработной поштучной, платы и длиннымъ рядомъ ,,новыхъ правилъ'', цѣлью которыхъ являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевленіе рабочей силы. На этой фабрикѣ существовалъ небольшой революціонный кружокъ изъ 10—12 человѣкъ, недавно привлеченныхъ, неопытныхъ и мало испытанныхъ. Душою кружка былъ нелегальный унтеръ офицеръ Гоббстъ, впослѣдствіи, въ іюлѣ 1879 г., повѣшенный въ Кіевѣ, а въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, усердно розыскиваемый полиціей по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ Одесскаго военнаго округа. Гоббстъ былъ не только вполнѣ надежный, но положительно рѣдкій человѣкъ. Онъ одинъ стоилъ иного кружка. Однако, съ фабричной средой онъ не успѣлъ хорошенько познакомиться, да при томъ на фабрикѣ онъ не работалъ, а жилъ по сосѣдству съ нею въ качествѣ сапожника-хозяина единственной въ той мѣстности ,,конспиративной'' квартиры. Такимъ образомъ, непосредственнаго вліянія на рабочую массу онъ не имѣлъ. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильнѣ—самой большой изъ фабрикъ Обводнаго канала, занимавшей болѣе двухъ тысячъ человѣкъ—работали тогда, какъ нарочно, все „сѣрые“ люди, недавно попавшіе въ столицу и въ цѣлости сохранившіе свои деревенскіе предразсудки. Можно представить себѣ, поэтому, тѣ препятствія, которыя должны были встрѣтиться революціонерамъ при ихъ попыткѣ войти въ сношенія со стачечниками.

Когда извѣщенные Гоббстомъ „землевольцы'' явились на его конспиративную квартиру, дѣло обстояло такъ. Рабочіе были вполнѣ увѣрены, что „начальство'' немедленно вступится за нихъ, какъ только пойметъ смыслъ ,,новыхъ правилъ''. Разубѣдить ихъ въ этомъ не было никакой возможности. Приходилось уступить ихъ наивной увѣренности, предоставивъ имъ изъ опыта

*) Соціалдемократъ № 4.

узнать какъ велика заботливость русскаго „начальства" о нуждахъ рабочаго класса...»

Далѣе авторъ разсказываетъ, что рабочіе дѣйствительно обращались съ жалобами къ полиціи и градоначальнику, но изъ этого, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не вышло.

«На все это ушло съ недѣлю,—продолжаетъ онъ дальше,—а за недѣлю революціонеры успѣли уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. Съ самаго начала стачки рабочіе замѣтили, что каждый разъ, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какіе-то незнакомые люди, одѣтые не совсѣмъ по фабричному, пожалуй даже вообще смахивавшіе на „студентовъ", но неизмѣнно тянувшіе ихъ руку. Эти люди подали уже немало дѣльныхъ совѣтовъ. Они говорили, что не зачѣмъ ходить ни къ приставу, ни къ градоначальнику. Ихъ не послушались, а вышло по ихнему. Семейнымъ стачечникамъ, на которыхъ въ особенности тяжело отзывалась пріостановка работы, а слѣдовательно и прекращеніе заработка, раздавались денежныя пособія, раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тѣхъ возмутся деньги? Догадаться не трудно: деньги даютъ тѣ же таинственные люди. Довѣріе стачечниковъ къ революціонерамъ росло съ каждымъ днемъ. До какой степени дорожила рабочая масса ихъ неожиданной поддержкой, покажетъ слѣдующій примѣръ».

«...Приходитъ онъ (рабочій Иванъ) однажды часовъ въ 8 утра на квартиру Гоббста и торжественно обращается къ одному изъ присутствовавшихъ тамъ «бунтарей».

— Петръ Петровичъ, надо бы смотръ сдѣлать!

— Какой смотръ?

— Да больше ничего—выйти на улицу, людей посмотрѣть, себя показать. Скучаетъ народъ-то! Бунтарь, названный здѣсь Петромъ Петровичемъ, отчасти походилъ характеромъ на Ивана, съ которымъ, кстати сказать, былъ большимъ пріятелемъ. Онъ быстро сообразилъ, чего тотъ хочетъ, и безъ возраженій вышелъ съ нимъ на улицу. Спустя нѣсколько минутъ вышли и остальные бунтари—ихъ было 2—3 человѣка—очень заинтересованные новой затѣей неугомоннаго Ивана. Дойдя до Обводнаго канала, они увидѣли такую картину:

Сотни стачечниковъ покрывали набережную, образуя вдоль нея сплошную стѣну. Передъ этой стѣной медленно, торжественно шествовалъ Петръ Петровичъ, а за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, двигался Иванъ слегка повернувъ въ сторону почтительно наклоненную голову, какъ бы затѣмъ, чтобы хоть одно ухо было поближе къ начальству и не проронило ни слова изъ могущихъ послѣдовать приказаній. Всюду, гдѣ проходила пара, рабочіе снимали шапки, привѣтливо кланяясь и отпуская на ея счетъ разныя одобрительныя замѣчанія: «Вотъ они, орлы то наши, пошли!»—любовно воскликнулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня пожилой рабочій. Окружавшіе его молчали, но видно было, что и имъ появленіе «орловъ» доставило большое удовольствіе.

Комическая выдумка Ивана была подсказана ему вѣрнымъ пониманіемъ настроенія массы. ,,Народъ" дѣйствительно ,,скучалъ", не видя революціонеровъ. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе и смѣлѣе въ ихъ присутствіи».

Дѣятельность землевольцевъ среди учащейся молодежи была главнымъ образомъ агитаціонная. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ одинъ изъ современниковъ *). «Землевольцамъ хорошо было извѣстно возбужденное состояніе молодежи, и они рѣшили еще на Большомъ своемъ Совѣтѣ для агитаціонныхъ цѣлей воспользоваться этимъ. Въ адресѣ, составленномъ на имя графа Палена, указывалось именно на вопіющія злоупотребленія и насилія, противъ которыхъ готовы были протестовать всѣ хорошіе люди. Указывалось на непрерывно производимые обыски, аресты, высылки, на ничѣмъ немотивированное продолжительное предварительное заключеніе, на пристрастіе суда, на систему oubliett'окъ, которую начало практиковать правительство и на прочія возмутительныя репресаліи, тяготѣвшія надъ обществомъ. Адресъ былъ отпечатанъ въ «Вольной типографіи»**) и пущенъ въ общество и въ среду молодежи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ была рѣшена на Большомъ Совѣтѣ «Паленовская демонстрація», въ Медико-Хирургической Академіи слу-

*) Неизданныя воспоминанія землевольца.

**) Тайная типографія, принадлежавшая землевольцамъ.

чилось маленькое событіе, вызвавшее въ ся стѣнахъ манифестацію со стороны студентовъ противъ академическаго начальства. Манифестація эта была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ожидали въ то время пріѣзда Александра II изъ мѣста военныхъ дѣйствій. По этому поводу городъ рѣшилъ устроить торжественную встрѣчу, на который должны были присутствовать представители города, земства, ученыхъ корпорацій и всѣхъ учебныхъ заведеній. Академическое начальство позволило себѣ при этомъ случаѣ весьма неблаговидные пріемы. Оно хорошо знало настроеніе своего студенчества, а потому оно рѣшило поступать по собственному благоусмотрѣнію. Пригласило къ себѣ нѣсколько студентовъ, завѣдомо извѣстныхъ ему за благонадежныхъ, и предложило имъ отправиться въ качествѣ депутатовъ, при чемъ очень прозрачно посулило имъ денежное вознагражденіе. Это стало извѣстно въ тотъ-же день и, конечно, вызвало взрывъ негодованія. Находившійся въ то время въ библіотекѣ Академіи землеволецъ рѣшилъ этимъ воспользоваться. При помощи нѣсколькихъ горячихъ головъ созвана на скорую руку сходка въ библіотеку, и было рѣшено немедленно вызвать начальника Академіи Быкова для объясненій. Сказано, сдѣлано. Нѣсколько человѣкъ отправились за нимъ и почти насильно привели его въ библіотеку. Быковъ былъ сконфуженъ этой совершенно неожиданной и необычайной (это было поздно вечеромъ) сходкой, но особенно обнаруженіемъ его продѣлки. Студенты рѣзко, почти грубо нападали на него, обличая его неблаговидный поступокъ. Быковъ защищался, но очень слабо. Студенты потребовали, чтобы самозванные депутаты лишены были ихъ полномочій, при чемъ заявили, что никакихъ депутатовъ они по этому случаю посылать не намѣрены. Насколько мнѣ помнится такъ дѣйствительно и было: на «торжественной встрѣчѣ» депутатовъ отъ академическаго студенчества не было. Одновременно почти съ этимъ случилось другое событіе, окончательно возбудившее молодежь. Въ клиникѣ умеръ Жилинскій, три года содержавшійся въ тюрьмѣ. Молодежь рѣшила устроить изъ его похоронъ демонстрацію, но полиція выкрала на разсвѣтѣ трупъ Жилинскаго. Раздраженная толпа студенчества отправилась въ академи-

ческую библіотеку. Землевольцы рѣшили ковать желѣзо, пока горячо. Пущены были въ обращеніе листки уже отпечатаннаго адреса, и предложено было отправиться съ этимъ адресомъ къ Палену. Предложеніе было принято сочувственно, но такъ какъ присутствующихъ было всего около 200 человѣкъ, то было рѣшено предварительно вступить въ переговоры со всѣми высшими учебными заведеніями и привлечь ихъ къ демонстраціи. Въ послѣдующіе за этимъ дни происходили во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ многочисленныя и бурныя сходки. Наконецъ, въ назначенный для демонстраціи день въ библіотекѣ М.-Х. Академіи собралось до 80 человѣкъ. Землевольцы выступили въ защиту своего предложенія, и дѣло это, навѣрное-бы выгорѣло, если-бы тутъ не вмѣшались марксисты*), которые ставили въ вину землевольцамъ, что они, называя себя народниками, устраиваютъ протестъ политическаго характера. Землевольцы оправдывались тѣмъ, что протестъ не столько политическій, сколько гуманитарный, къ которому должна примкнуть всякая, сознающая свое достоинство личность. Завязался горячій споръ. Каждая сторона приводила историческія доказательства въ пользу своихъ мнѣній. А время уходило. Наконецъ, землевольцы спохватились, и, воспользовавшись небольшой передышкой, поставили нѣсколько вопросовъ на голосованіе. 1) Слѣдуетъ-ли вообще протестовать? 2) Если-же слѣдуетъ, то въ какой формѣ и когда? Большинство высказалось опять въ пользу предложенія землевольцевъ. Къ сожалѣнію, наступалъ вечеръ, и потому рѣшили устроить демонстрацію на слѣдующій день. Но на другой день толпа собралась столь малочисленная, что демонстрація теряла всякій смыслъ. Впрочемъ землевольцы очень мало потеряли отъ этой неудачи. Отчасти они даже достигли своей цѣли: имъ удалось за это время привлечь на свою сторону значительное чи-

---

*) Не надо смѣшивать съ теперешними марксистами или «русскими соціалдемократами». Тогдашніе марксисты выработались изъ группы лавристовъ: они отрицательно относились къ пропагандѣ среди крестьянства, надѣялись на выработку революціонной организаціи между фабричными рабочими, но отрицали въ то-же время необходимость всякой политической борьбы.

сло лицъ изъ молодежи и такимъ образомъ надолго удержать за собою почву въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

V

Пребываніе въ Петербургѣ зимою 1878 г. большинства членовъ «Земли и Воли» дало возможность подвергнуть годичному пересмотру программу общества, какъ того требовалъ уставъ. Въ это-же время былъ поставленъ вопросъ объ основаніи литературнаго органа партіи «народниковъ» (общество уже имѣло свою типографію подъ именемъ «вольной»). Около года существовала партія, а еще ея программа не была напечатана. Идеи народничества вообще и общества Земли и Воли въ частности пропагандировались только устно на сходкахъ, собраніяхъ и проч.; и далеко не всѣ народники одинаково понимали многіе частные вопросы. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ изъ членовъ общества въ своихъ воспоминаніяхъ: «Дѣло въ томъ, что народничество въ то время было совершенно новымъ явленіемъ, какъ тоеретически, такъ и практически. Было необходимо установить прежде всего начала народничества, которыя послужили-бы критеріумомъ какъ для рѣшенія частныхъ вопросовъ теоретическаго свойства, такъ и всѣхъ вопросовъ практическаго. Во вторыхъ необходимо было, чтобы эти начала крѣпко уяснили и усвоили себѣ сами народники, такъ какъ нерѣдко случалось къ величайшему недоумѣнію постороннихъ, что сами народники не понимали другъ друга, особенно въ вопросахъ практическихъ. Были народники-анархисты, были народники-якобинцы, были и такіе, въ головѣ которыхъ мирно укладывался самый крайній экономическій радикализмъ съ самымъ несноснымъ политическимъ консерватизмомъ. Такой важный общественный факторъ, какъ политическая организація, сознательно и систематически игнорировался. Значеніе и роль его сводились просто на нѣтъ. Одни наивно думали, что народъ, предоставленный самому себѣ, съумѣетъ на другой день революціи создать прекрасный изъ прекраснѣйшихъ порядковъ: создастъ «вольный союзъ вольныхъ общинъ». Другіе наоборотъ считали это возможнымъ только при помощи сильной диктатуры. Недоумѣніямъ

недоразумѣніямъ, всякаго рода, предразсудкамъ не было конца. Среди самыхъ землевольцевъ была масса разногласій и главнымъ образомъ по поводу практическихъ вопросовъ».

Итакъ, было рѣшено создать органъ, который служилъ-бы выразителемъ мнѣній землевольцевъ. Органъ главнымъ образомъ долженъ былъ заниматься пропагандой революціонно-народническихъ идей. Для изданія органа была составлена редакціонная группа.

Но несмотря на всеобщее желаніе, первый номеръ органа «Земля и Воля» вышелъ только 1-го Ноября 1878 года: своевременному выходу помѣшали аресты многихъ лицъ изъ администраціи. Всѣхъ номеровъ органа «Земли и Воли» вышло пять, съ 1-го ноября 1878 г. по апрѣль 79. Кромѣ этого вышло пять номеровъ «Листка Земли и Воли» съ 12 марта по 8 іюля 79 го*). И газета и листокъ издавались въ количествѣ

---

*) Любопытно, что весною того-же 1878-го года вышло 4 номера газеты «Начало», которая довольно сильно отклонялась отъ тогдашняго народничества, придавая политическому вопросу большее значеніе, чѣмъ допускалось вообще въ то время революціонерами. Изданіе это, — дѣло скорѣе отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ какой-либо группы, — признавая необходимость организаціи народныхъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ доказывало, что полученіе политической свободы было-бы желательно для соціализма. Такъ въ 4-мъ номерѣ въ передовой статьѣ сказано:

«Но тѣмъ не менѣе, если событія не вызовутъ общаго революціоннаго движенія въ самомъ народѣ, для соціалистовъ политическій переворотъ долженъ представляться весьма желательнымъ.

«Вопервывъ, онъ подорветъ существующій и исторически окрѣпшій государственный механизмъ, разрушитъ систему правительственной опеки, уничтожитъ надежду общества на царскую силу и всемогущество, и, передавъ власть въ руки купца и землевладѣльца, поставитъ народъ въ открыто враждебныя отношенія къ новому «барскому» правительству. Старый предразсудокъ, въ видѣ надежды а общій передѣлъ при посредствѣ правительства, исчезнетъ безповоротно. Народъ, потерявъ изъ виду призрачную царскую помощь, станетъ лицомъ къ лицу со своими эксплуататорами и пойметъ, гдѣ его настоящіе враги и друзья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новое конституціонное правительство не будетъ въ состояніи упрочить своего господства, какъ это случилось въ европейскихъ государствахъ...:»

«Во вторыхъ политическій переворотъ, неизбѣжно внося элементы политической свободы въ государственную жизнь, нѣсколько облегчитъ пропаганду соціалистическихъ ученій въ народѣ. Мы

отъ полуторы до трехъ тысячъ экземпляровъ. Газета имѣла 20 печатныхъ страницъ, заключала въ себѣ одну или двѣ принципіальныя статьи, нѣсколько корреспонденцій изъ провинціи, фельетонъ и разныя извѣстія. «Листокъ Земли и Воли» имѣлъ четыре страницы, заключалъ въ себѣ прокламаціи Исполнительнаго Комитета *), хронику арестовъ и одно или два выдающихся извѣстія.

Въ 1 номерѣ «Земли и Воли» объясняется взглядъ редакціи на задачи русской революціонной партіи: «Земля и Воля! Вотъ два магическія слова, много разъ подымавшія изъ глубины Россіи могучія стихійныя движенія. Дважды чуть не повалили они государственную Русь и до сихъ поръ глубоко волнуютъ душу сѣраго крестьянства отъ одного конца Россіи и до другого.

«Земля и Воля! — Вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени, вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники, соціалисты-народники 70-хъ годовъ.

«Тѣ-же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

«Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей. На всѣ попытки подобнаго рода мы смотримъ, какъ на совершенно неразсчетливую трату силъ, потому что опытъ всѣхъ прошлыхъ движеній, во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ крестьянскихъ возстаній

не обольщаемъ себя, конечно, надеждою на широкую политическую свободу, такъ какъ понимаемъ, что нашъ буржуа, въ руки котораго перейдетъ государственная власть, еще не чувствуетъ въ ней необходимой потребности, и, значитъ, не будетъ ее отстаивать. Но несомнѣнно, однако, что при конституціонномъ правительствѣ будутъ прочнѣе гарантіи личной неприкосновенности и свободы печати и слова. Такъ было вездѣ, такъ будетъ и у насъ.»

*) Дѣло идетъ объ Исполнительномъ Комитетѣ «Земли и Воли», который не надо смѣшивать съ Исполнительнымъ Комитетомъ «Народной Воли». Первый не существовалъ какъ самостоятельная организація, но всѣ террористическіе факты, кѣмъ-бы совершены они не были, приписывались ему.

и кончая Парижской коммуной, показываетъ намъ, что всякое революціонное движеніе, по мѣрѣ своего расширенія, необходимымъ образомъ развиваетъ, очищаетъ и совершенствуетъ тѣ революціонные элементы, которые послужили первоначальнымъ стимуломъ движенія.

«Революціи—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи, совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли, они — ничто; въ предѣлахъ ея, они—одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

«Поэтому, основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.

«Во всѣ времена, гдѣ-бы и въ какихъ-бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ Земли и Воли!

«Земли—какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли — какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами.

«Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ; изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

«Такова-же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

«Поэтому ее принимаемъ и мы революціонеры-народники.

«Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ-же фабричный мы

оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой-же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу. Точно такъ и городское соціалистическое движеніе, если-бы оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось-бы съ первыхъ-же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграрномъ.

«По тѣмъ-же причинамъ не станемъ мы предрѣшать въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго соціалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставимъ-же будущее будущему. Настоящему предстоитъ достаточно громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій соціалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которые ужъ созданы въ умахъ народа».

Рѣшивъ вопросъ объ органѣ, землевольцы приступили къ пересмотру программы и устава. Программу оставили безъ измѣненія. Пересмотръ-же устава потребовалъ большихъ дебатовъ и преній въ виду того, что измѣненія, вносимыя въ него, клонились къ большей централизаціи и дисциплинѣ въ обществѣ. Необходимость этихъ измѣненій выяснилась предыдущимъ лѣтомъ, когда многіе провалы и неудачи являлись послѣдствіемъ недостаточности единства въ дѣйствіяхъ и исполнительности въ порученіяхъ. Большинство хоть и признавало эту необходимость, но съ трудомъ соглашалось на дисциплину и централизацію. Вотъ какъ описываетъ обсужденіе этихъ вопросовъ авторъ воспоминаній о Михайловѣ.

«По смыслу выработаннаго въ началѣ 1877 г. временнаго устава петербургскаго основного кружка, программа общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру съ цѣлью измѣненія или расширенія ея, сообразно съ указаніями опы

та. Но такъ какъ весною 1878 года, у насъ не было еще ни малѣйшаго сомнѣнія въ практичности нашей програмы, то оставалось только ввести въ нее нѣсколько дополнительныхъ пунктовъ о дѣятельности въ народѣ. Не такъ скоро покончили мы съ уставомъ. Михайловъ требовалъ радикальнаго измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра. Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты, и ему поручено было написать проектъ новаго устава. При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта немалую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ основного кружка обязывался исполнить всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя-бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ не могъ даже понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ. „Если вы приняли программу кружка, если вы сдѣлались членомъ организаціи, то въ основныхъ пунктахъ у васъ не можетъ быть разногласія“,—повторялъ онъ съ досадой.—„Вы можете разойтись съ ними во взглядѣ на умѣстность и своевременность порученнаго вамъ предпріятія, но въ этомъ случаѣ вы должны подчиниться большинству голосовъ. Что касается до меня, то я сдѣлаю все, что потребуетъ отъ меня организація. Если-бы меня заставили писать стихи, я-бы не отказался и отъ этого, хотя и зналъ-бы напередъ, что стихи выйдутъ невозможные. Личность должна подчиняться организаціи!“ Въ концѣ концовъ былъ прин[illegible]ъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ сображеніе личныя наклонности ея членовъ».

Во время этихъ-же собраній была сдѣлана Валеріаномъ Осинскимъ попытка внести политическій элементъ въ программу общества. Это было встрѣчено рѣзкими протестами. Вотъ какъ описываетъ обсужденіе этого предложенія участникъ*) съѣзда: «предложеніе, вызвавшее цѣлую бурю на собраніи, было внесено В. Осинскимъ. Оно касалось введенія политическаго элемента вообще въ нашу программу и усиленія дезорганизаціонной дѣятельности въ частности. ,,Деревен-

*) Неизданныя воспоминанія землевольца.

щики" рѣзко протестовали противъ этого предложенія; ссылались на уставъ, въ которомъ точно обозначены границы дезорганизаторской дѣятельности; предостерегали отъ излишняго увлеченія этимъ скользкимъ и опаснымъ путемъ, который можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ замѣшательствъ. Пренія по этому поводу были продолжительны и очень горячи. Но деревенщина еще была тогда въ силѣ. Преобладающее настроеніе общества было строго-народническое. И предложеніе Валеріана было отвергнуто громаднымъ большинствомъ».

VI.

Въ ту-же зиму 77-78 г., когда общество «Земля и Воля», обсуждая свой уставъ, съ негодованіемъ отвергло введеніе какого-бы то ни было политическаго элемента въ свою программу, начался рядъ событій, вызвавшій во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи волненія, въ которыхъ принимала участіе не только партія, но почти вся учащаяся молодежь и отчасти общество. Съ этой зимы правительство и революціонная партія вступаютъ въ борьбу почти открытую. Въ центрѣ революціонной партіи, общество «Земли и Воли» мужественно и энергично борется съ правительствомъ, отрицая въ то-же время всякую политику. Борьба эта привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только всего русскаго общества, но и всего міра, приводитъ къ расколу общество «Земли и Воли» и созданію новой партіи въ 79 году.

Въ октябрѣ 77 года, начался судъ надъ 193 пропагандистами. Этотъ гигантскій процесъ, конечно, привлекъ вниманіе всего общества. Вниманіе перешло скоро въ изумленіе, а изумленіе въ негодованіе. По мѣрѣ того, какъ развертывалась картина процеса, все болѣе и болѣе выснялось, что молодыхъ людей и дѣвушекъ держали 3-4 года въ одиночномъ заключеніи за преступленія, за которыя спеціально назначенный судъ могъ осудить только тридцать съ небольщимъ человѣкъ, изъ нихъ 20 на поселеніе, остальныхъ-же долженъ былъ оправдать или вмѣнить имъ предварительное заключеніе въ наказаніе. Мало того съ этими оправданными оправдавшій-же ихъ судъ въ теченіи

всего процесса обращался, какъ съ закоренѣлыми преступниками и велъ себя до гнусности пристрастно, допустивъ возмутительное противорѣчіе: онъ раздѣлилъ всѣхъ подсудимыхъ на 17 группъ и рѣшилъ производить слѣдствіе каждой группѣ отдѣльно, и въ то-же время всѣ подсудимые обвинялись въ одномъ общемъ для нихъ преступленіи — составленіи «незаконнаго сообщества». Ни протесты подсудимыхъ, ни требованія адвокатуры, доказывавшей беззаконность такого распоряженія, не привели ни къ чему. Тогда подсудимые рѣшили отказаться отъ всякаго участія въ судѣ. И вотъ началась невиданная картина. Изо дня въ день судъ вызываетъ группу за группой, лице за лицемъ. На вопросъ о виновности слышится постоянно одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «не признаю суда, не желаю въ немъ участвовать, и прошу меня вывести». Рѣдко-рѣдко кто изъ подсудимыхъ соглашается присутствовать при судебномъ слѣдствіи, и судъ происходитъ въ отсутствіи подсудимыхъ. Сенаторы и даже самъ прокуроръ чувствуютъ себя неловко и сконфужено. Подсудимые же составляютъ рѣзкій контрастъ по глубинѣ своего убѣжденія и гордому поведенію со всѣми представителями правительства, начиная отъ первоприсутствующаго до шпіоновъ, фигурирующихъ въ качествѣ свидѣтелей, включительно. Когда-же была вызвана группа, къ которой причислили Мышкина, и онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, то особое присутствіе сената было совершенно уничтожено. Роли перемѣнились: обвинитель на скамьѣ подсудимыхъ, — а сенаторы, увѣшанные орденами, съ предсѣдателемъ во главѣ, мечутся изъ стороны въ сторону, не зная, что дѣлать, при звукахъ обвиняющаго ихъ голоса. Когда-же Мышкинъ произноситъ свои послѣднія слова, клеймя это правосудіе, «болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости: тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества», всѣ сенаторы гурьбою бросаются въ дверь, забывъ закрыть засѣданіе. На подсудимыхъ-же накидываются жандармы, бьютъ и выталкиваютъ изъ залы суда. Разборъ самаго дѣла показалъ, что слѣдствіе ве-

лось совершенно противозаконно. Привлекались люди завѣдомо невиновные, ихъ держали мѣсяцами и годами въ тюрьмѣ, чтобы добиться показаній — желательныхъ для обвинительной власти, хотя-бы и ложныхъ. Выяснилось, что нѣкоторыя показанія писаны самимъ прокуроромъ, который вынуждалъ подписывать ихъ. Нѣкоторыхъ-же изъ невинно-арестованныхъ держали нѣсколько лѣтъ въ заключеніи и привели на судъ «для оттѣненія другихъ», какъ имѣлъ нахальство объявить въ своей рѣчи самъ прокуроръ Желеховскій.

Какъ судебное слѣдствіе, такъ и судъ показали революціонерамъ, что въ борьбѣ съ ними правительство не будетъ стѣсняться имъ-же созданными законами и уставами. И новымъ подтвержденіемъ этого явились конфирмація сенатскаго приговора императоромъ, который не только не смягчилъ, по обычаю, приговоръ, но усилилъ его и распоряженіе о ссылкѣ административнымъ порядкомъ 80 человѣкъ изъ оправданныхъ судомъ.

Не успѣлъ сенатъ вынести свой приговоръ, какъ раздался, 24 января 1878 г., выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ Трепова. Этотъ выстрѣлъ былъ отвѣтомъ на отвратительное самоуправство Трепова.

Въ апрѣлѣ 77 г., при посѣщеніи Дома предварительнаго заключенія, Треповъ встрѣтилъ Боголюбова, одного изъ участниковъ казанской демонстраціи. Боголюбовъ не снялъ передъ нимъ шапки; Треповъ сбилъ ее и велѣлъ высѣчь Боголюбова розгами. Заключенные, узнавъ объ этомъ распоряженіи, подняли шумъ и крики. Къ нимъ врывались служители и солдаты; кого избивали, кого тащили въ карцеръ, и, въ концѣ концовъ, усмирили. А Боголюбовъ былъ высѣченъ. Эта гнусная расправа надъ Боголюбовымъ вызвала страшное негодованіе среди революціонеровъ, и у многихъ возникло желаніе мести. Члены дезорганизаціонной группы землевольцевъ готовили покушеніе на Трепова. Къ нимъ присоединились два южанина, спеціально пріѣхавшіе для этого въ Петербургъ — въ томъ числѣ Попко. Но Вѣра Засуличъ предупредила ихъ, обдумавъ и совершивъ все дѣло на свой страхъ.

Правительство, обманутое холопскими статьями легальныхъ газетъ, выражавшими благородное негодованіе, рѣшило предать Вѣру Засуличъ суду присяж-

ныхъ, дабы «судъ общественной совѣсти», осудивъ Засуличъ, вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно осудилъ бы революціонеровъ вообще и тѣмъ хотя отчасти загладилъ бы впечатлѣніе посрамленія сената.

31 марта 1878 г. состоялся судъ. Впервые передъ присяжными предстали двѣ враждующія стороны: правительство и революціонеры. Грубая сила, самоуправство и произволъ начали тяжбу противъ самоотверженія и правъ человѣка. Зала была полна публики — и какой публики? Была тамъ знать и высшее чиновничество съ канцлеромъ Горчаковымъ во главѣ. Были представители судебнаго вѣдомства, благонамѣренной литературы и пр. Однимъ словомъ — отборная публика и, конечно, въ большинствѣ настроенная не очень то благосклонно къ Засуличъ и революціонерамъ. Но начался разборъ дѣла, и эта публика, убѣждаемая фактами, стала невольно выражать свое сочувствіе Засуличъ и ея защитнику, такъ что предсѣдатель былъ вынужденъ пригрозить очистить залу. И, дѣйствительно, нужно было имѣть волчье сердце, чтобы остаться равнодушнымъ къ тѣмъ фактамъ и картинамъ, которыя выяснились на судѣ. Оказалось, что «злодѣйка Засуличъ», какъ ее именовали въ печати, скромная дѣвушка, явившаяся защитницей и мстительницей за поруганное человѣческое достоинство, сама была жертвой самоуправства. Она просидѣла два года въ одиночномъ заключеніи и была признана судебной палатой непричастной къ дѣлу, по которому сидѣла. Но правительство эту непричастную къ дѣлу дѣвушку все-таки сослало административнымъ порядкомъ.

На судѣ выяснилось, что Боголюбовъ ничѣмъ не вызвалъ со стороны Трепова возмутительнаго самоуправства. Мало того, оказалось, что Треповъ даже по закону не имѣлъ права сдѣлать это распоряженіе. Несмотря на незаконность, ни онъ, ни исполнители не были привлечены къ отвѣтственности, а была только назначена слѣдственная коммиссія для разслѣдованія дѣла о произведенныхъ заключенными по этому поводу безпорядкахъ.

Всѣ эти безобразія и незаконности сильно волновали присутствующую публику. Но волненіе достигло своего апогея, когда развернулась картина сѣченія Боголюбова. Большинство плакало, слушая разсказъ

защитника Засуличъ объ этомъ гнусномъ надругательствѣ.

«Предъ окнами женскихъ (политическихъ) арестантскихъ камеръ, — въ виду испуганныхъ чѣмъ-то необычайнымъ, происходящимъ въ тюрьмѣ, женщинъ, — вяжутся пуки розогъ, какъ будто-бы драть предстояло цѣлую роту, разминаются руки, дѣлаются репетиціи предстоящей экзекуціи, и, въ концѣ концовъ, нервное волненіе арестантовъ возбуждается до такой степени, что ликторы in spe считаютъ нужнымъ убраться въ сарай, и оттуда выносить пуки розогъ, уже спрятанными подъ шинелями. Теперь, по отрывочнымъ разсказамъ, по догадкамъ, по намекамъ, не трудно было вообразить и настоящую картину экзекуціи. Возставала эта блѣдная, испуганная фигура Боголюбова, невѣдающая, что онъ сдѣлалъ, что съ нимъ хотятъ творить; возставалъ въ мысляхъ болѣзненный его образъ. Вотъ онъ, приведенный на мѣсто экзекуціи и, пораженный извѣстіемъ о томъ позорѣ, который ему готовится, вотъ онъ, полный негодованія и думающій, что эта сила негодованія дастъ ему силу Самсона, чтобы устоять въ борьбѣ съ массой ликторовъ, исполнителей наказанія, вотъ онъ, падающій подъ массою пудовъ человѣческихъ тѣлъ, насѣвшихъ ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный нѣсколькими парами рукъ, какъ желѣзомъ прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и, надъ всей этой картиной, мѣрный свистъ березовыхъ прутьевъ, да также мѣрное счисленіе ударовъ благороднымъ распорядителемъ экзекуціи... Все замерло въ тревожномъ ожиданіи стона, этотъ стонъ раздался, то не былъ стонъ физической боли—не на это разсчитывали — то былъ мучительный стонъ удушеннаго, униженнаго, поруганнаго, раздавленнаго человѣка! Священнодѣйствіе совершилось, позорная жертва была принесена!...» (Аплодисменты, громкіе крики: браво!)

Присяжные оправдали Засуличъ. И тѣмъ вынесли свой приговоръ произволу и самоуправству, практикуемому правительствомъ. Присутствующая публика апплодировала приговору. Почти вся печать выразила свое сочувствіе. Что-же правительство? Смутилось? Устыдилось? Нисколько. Оно отдало приказъ арестовать оправданную Засуличъ. Жандармы пытались схватить

ее по выходѣ изъ суда, но толпа отбила ее, причемъ былъ убитъ Сидорацкій. Болѣе мѣсяца полиція производила повсюду обыски, стараясь найти Засуличъ; но безуспѣшно. Симпатіи къ революціонерамъ среди нашего трусливаго общества, разшевеленнаго процессомъ 193, усилились послѣ дѣла Засуличъ. Создалась благопріятная общественная атмосфера, благодаря которой революціонная партія заручилась отчасти и денежной помощью, и «укрывателями».

Теперь озлобленное правительство рѣшило отбросить хоть даже внѣшнія формы законности и расправляться по своему, какъ съ революціонерами, такъ и со студенчествомъ, которое оно считало резервомъ революціи. Не помогъ сенатъ, не помогъ судъ присяжныхъ — обратились къ благодѣтельному кулаку. Для устрашенія студентовъ, полиція устроила имъ три западни и избила ихъ.

Въ Харьковѣ, студенты, ничего не подозрѣвая, сошлись по обыкновенію къ университету и нашли двери университета запертыми, а у дверей толпу полицейскихъ. Не успѣли студенты разузнать въ чемъ дѣло, какъ были окружены казаками. Безъ всякаго повода, по командѣ эсаула: «въ плети!» началось избіеніе студентовъ казаками.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о харьковскихъ избіеніяхъ было рѣшено на сходкѣ въ Медико-Хирургической Академіи подать петицію Наслѣднику о нуждахъ студенчества вообще и о харьковскомъ побоищѣ въ частности. И на другой день нѣсколько сотъ человѣкъ учащихся двинулось съ петиціей къ Аничкину дворцу. Туда же явился Зуровъ*). Онъ убѣждалъ студентовъ разойтись и далъ честное слово передать ихъ прошеніе въ руки Наслѣдника и дать отвѣтъ студентамъ. На другой день вечеромъ собраніе студентовъ Медико-Хирургической академіи было окружено пѣшей и конной силой. Студентамъ не дали возможности разойтись, на нихъ набросились, избили нагайками и арестовали 130 человѣкъ.

Въ Кіевѣ произошли студенческія волненія. Было арестовано до 150 человѣкъ студентовъ, часть которыхъ выслали административнымъ порядкомъ въ сѣверныя

---

*) Тогдашній градоначальникъ Петербурга.

губерніи. Путь же ихъ лежалъ черезъ Москву. Московскіе студенты собрались на вокзалѣ, чтобы встрѣтить ихъ. Полиція не воспрепятствовала этому сбору. Но когда студенты, провожая своихъ товарищей, проходили мимо Охотнаго Ряда, полиція натравила на нихъ сидѣльцевъ, и началось поголовное избіеніе охотнорядскими молодцами студенчества, избіеніе, которое продолжалось даже на университетскомъ дворѣ.

Не стѣсняясь съ «резервомъ революціи», учащейся молодежью, правительство тѣмъ менѣе находило нужнымъ стѣсняться съ самой революціонной арміей. Аресты безъ соблюденія какихъ-бы то ни было формъ законности, годы предварительнаго заключенія, спеціальный судъ, административная ссылка даже оправданныхъ по суду,— все это ясно показывало революціонерамъ, что они поставлены внѣ закона, что съ ними церемониться не будутъ.

Продѣлавъ все это, правительство и холопствующая пресса имѣли и имѣютъ наглость утверждать до сихъ поръ, что репрессаліи правительства вызваны терроромъ революціонеровъ. Мирные пропагандисты, отрицающіе всякое вмѣшательство въ политику, травятся какъ волки: въ отвѣтъ на эту травлю—ни одного террористическаго факта! Учащаяся молодежь за прочтенную книжку, за высказанное сочувствіе революціонерамъ, а то просто по подозрѣнію ссылается безъ суда и слѣдствія: все нѣтъ террористическихъ фактовъ! Наконецъ, правительство, отбрасывая въ сторону имъ же созданный законъ, начинаетъ бить и истязать учащуюся молодежь, сѣчетъ революціонера, всячески унижаетъ человѣческое достоинство,—и тогда, только тогда раздается первый выстрѣлъ революціонеровъ, въ отмщеніе за попранное достоинство опозореннаго сѣченіемъ. Что революціонеры были въ этомъ правы, показалъ судъ присяжныхъ. Правительство-же, какъ-бы обрадованное случаю, завопило о революціонномъ террорѣ, о жестокостяхъ революціонеровъ и набросилось съ удвоенною свирѣпостью на все мыслящее въ странѣ. Революціонеры, волей неволей, должны были взяться за оружіе.

VII

Итакъ, революціонеры взялись за оружіе. Первыми въ этомъ дѣлѣ оказались южане, гдѣ было болѣе горючаго матеріала и гдѣ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ съ оружіемъ въ рукахъ проявлялось сильнѣе въ революціонной средѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ выстрѣла Засуличъ, въ Одессѣ произошло настоящее сраженіе между революціонерами, полиціей и солдатами.

30-го января 1878 года, на квартиру, гдѣ находился Иванъ Ковальскій, Николай Виташевскій и четверо изъ ихъ товарищей, въ томъ числѣ двѣ женщины, явился прокурорь съ жандармомъ и полицейскими, но были встрѣчены выстрѣлами изъ револьверовъ. Полиція обратилась къ помощи военной команды, которая, прибывъ, расположилась въ комнатѣ, отдѣленной отъ квартиры осажденныхъ передней. Офицеръ предложилъ осажденнымъ сдаться, грозя въ противномъ случаѣ стрѣлять. Осажденные отказались, и началась перестрѣлка. Въ это время часть осажденныхъ жгла бумаги и копрометирующія письма; а одинъ изъ революціонеровъ съ балкона, выходящаго на улицу, объяснялъ возвращавшейся въ это время изъ театра и собравшейся около дома публикѣ причину вооруженнаго нападенія на нихъ полицейскихъ и жандармовъ вмѣстѣ съ военной командой. Наконецъ, послѣ полуторачасовой перестрѣлки осажденные, частью тяжело раненые, стали очищать постепенно одну комнату за другой и въ концѣ концовъ должны были сдаться.

Около этого-же времени пріѣхали на югъ изъ Петербурга нѣкоторые изъ членовъ дезорганизаторской группы «З. и В.», В. Осинскій, Лизогубъ и другіе которые, встрѣтивъ несочувствіе, какъ мы видѣли выше, среди большинства съѣзда землевольцевъ, рѣшили перенести свою дѣятельность на югъ, гдѣ они имѣли въ то время много единомышлинниковъ. Пріѣхавъ, они энергично принялись за созданіе дезорганизаціонныхъ группъ. Поводовъ для начала дѣйствій дезорганизаціонныхъ группъ было немало. Кромѣ революціонеровъ на волѣ, могущихъ обороняться съ оружіемъ въ рукахъ, были сотни другихъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, которые не могли защищаться отъ произвола и

тираніи правительства. Ихъ стоны доносились до товарищей; приходили извѣстія о голодныхъ бунтахъ, вызванныхъ бездушной администраціей. Находившіеся на волѣ не могли остаться безучастны къ судьбѣ своихъ братьевъ. И вотъ боевыя группы устраиваютъ покушенія на главныхъ виновниковъ страданій заключенныхъ, и югъ дѣлается театромъ цѣлаго ряда террористическихъ фактовъ, попытокъ освобожденій вооруженной рукой и пр.

Въ февралѣ, Осинскій стрѣляетъ въ товарища прокурора Котляревскаго. Въ маѣ, Попко убиваетъ жандармскаго офицера Гейкинга. Въ іюлѣ, дѣлается вооруженная попытка освобожденія Войнаральскаго, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Было рѣшено отбить по пути въ центральную тюрьму одного или нѣсколько заключенныхъ. Дѣло это требовало весьма сложной организаціи и многихъ участниковъ. Въ числѣ организаторовъ были Ал. Михайловъ, А. Квятковскій, Фроленко, Баранниковъ, двѣ женщины (въ томъ числѣ Перовская) и другіе. Въ Харьковѣ были устроены четыре конспиративныя квартиры, куплена бричка, тройка лошадей, запасено оружіе и проч. Устроена была цѣлая система слѣженія за тюрьмой съ одной стороны и за поѣздами съ другой. И вотъ, когда, провозили Войнаральскаго, было сдѣлано вооруженное нападеніе, при чемъ убитъ одинъ жандармъ, но Войнаральскаго освободить не удалось. Несмотря на продолжительное и упорное преслѣдованіе, оставшемуся жандарму удалось ускакать вмѣстѣ съ Войнаральскимъ. За то удалось другое освобожденіе, затѣянное Фроленко, который подъ видомъ ключника пробрался въ тюрьму и вывелъ оттуда заключенныхъ Бохановскаго, Дейча и Стефановича. Дѣлаются еще двѣ попытки освобожденія Ѳомина, одна посредствомъ подкопа, другая —двумя революціонерами, переодѣтыми въ жандармовъ, но обѣ неудачныя. Дезорганизаторскія группы все болѣе развиваютъ свою дѣятельность, все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ послѣдователей и, кажется, по иниціативѣ Осинскаго принимаютъ въ оффиціальныхъ своихъ заявленія названіе «Исполнительнаго Комитета» *).

---

*) Мы уже сказали раньше, что этотъ комитетъ не нужно смѣшивать съ Исполнительнымъ Комитетомъ «Народной Воли». Ко-

Популярность и авторитетъ этихъ группъ растутъ среди революціонеровъ. Это уже не идеалисты-пропагандисты, это уже болѣе выработанный типъ революціонера-заговорщика, тщательно одѣтаго, осторожнаго и осмотрительнаго. Правительство поняло, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, и стало прибѣгать къ мѣрамъ, которые практикуются только въ военное время: былъ введенъ особый судъ для политическихъ преступленій.

На 24-е іюля былъ назначенъ военный судъ надъ Ковальскимъ и товарищами,—зачѣмъ именно военный, было ясно: предстояли смертныя казни. Революціонеры рѣшили не оставить безъ публичнаго протеста этого новаго вызова правительства. Дезорганизаторская группа, вмѣстѣ съ другими южными революціонерами, первоначально думала освободить Ковальскаго изъ суда вооруженной рукой, но правительство предвидѣло это, и зданіе суда было оцѣплено солдатами. Тогда было рѣшено во всякомъ случаѣ собраться въ возможно большемъ количествѣ около зданія суда и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Во все время засѣданія зданіе суда было окружено волнующейся толпой, состоящей изъ революціонеровъ, сочувствующихъ имъ рабочихъ и любопытныхъ. Когда судъ вынесъ смертный приговоръ Ковальскому, толпа бросилась къ дверямъ, произошло столкновеніе съ солдатами, причемъ были убиты два революціонера Полтавскій и Погребецкій, и толпа была разсѣяна солдатами.

2-го августа былъ разстрѣлянъ Ковальскій, а 4-го августа палъ отъ руки революціонера глава русской политической полиціи—шефъ жандармовъ Мезенцевъ.

Убійство Мезенцева вызвало страшную панику среди правительства. И раньше уже правительство волновалось вслѣдствіе убійствъ, происшедшихъ на югѣ, виновниковъ которыхъ оно не могло схватить. Но тутъ, въ столицѣ, днемъ, глава полиціи падаетъ отъ руки революціонера, который изчезаетъ неизвѣстно куда. Паника была настолько сильна, что въ теченіи

митетъ Осинскаго существовалъ болѣе какъ названіе, чѣмъ отдѣльная организація, ибо всѣ дѣйствія террористическаго характера, произведенныя кѣмъ бы то ни было изъ революціонеровъ, въ оффиціальныхъ заявленіяхъ приписывались Исполнительному Комитету «Земли и Воли».

долгаго времени Петербургъ былъ словно на военномъ положенiи: по всѣмъ улицамъ разъѣзжали патрули казаковъ, въ помощь полицiи назначены пѣхотные солдаты, производились повальные обыски. Однако убiйцъ не нашли. Правительство теряло голову, чувствуя, что на него надвигается какая-то сила, съ которой предстоитъ для него тяжелая и долгая борьба.

Но сами революцiонеры, совершая эти покушенiя и убiйства, смотрѣли на нихъ пока только какъ на самозащиту и отчасти какъ на месть. Несмотря на всю провокацiю правительства, громадное большинство изъ нихъ не хочетъ еще выступить на непосредственную борьбу съ правительствомъ. Сторонниковъ политической борьбы и террора еще небольшое меньшинство партiи. Вотъ что пишетъ по поводу убiйства Мезенцева органъ партiи «Земля и Воля» (N 1 стр. 5).

«Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденiя рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризацiя не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы —это не болѣе какъ охранительный отрядъ, назначенiе котораго — оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственною властью — значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной.

«Такое направленiе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны, со стороны тактики партiи. Паденiе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнiю. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Самодержавiе поражаемое со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституцiонному строю, который, какъ всякая конституцiя, выдвинетъ на первый планъ привеллигированныя сословiя: помѣщиковъ, купцовъ и фабрикантовъ — всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ, буржуазiю въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены,

и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ-то во всякомъ случаѣ дастъ возможность съорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ.

«Направивъ всѣ свои силы на борьбу съ правительствомъ, мы, конечно, сильно ускоримъ его паденіе. Но тогда, не имѣя никакихъ корней въ народѣ, мы будемъ не въ состояніи воспользоваться своей побѣдой. Это будетъ побѣда Пирра, сказавшаго послѣ битвы при Гераклеѣ: «Еще одна такая побѣда — и я безъ войска поплыву въ Эпиръ». Цѣною кровавой борьбы и несомнѣнно тяжкихъ жертвъ мы ничего не пріобрѣтемъ для своего дѣла. Разбитый, но никѣмъ не преслѣдуемый врагъ будетъ имѣть все нужное ему время, чтобы укрѣпиться на новой позиціи, и намъ снова придется брать ее открытымъ нападеніемъ подъ его усиленнымъ огнемъ, преодолѣвая всѣ воздвигнутыя имъ препятствія.»

Но хотя офиціальный органъ отрицаетъ политическую борьбу, хотя большинство крѣпко держится за старую программу, внутри партіи начинаетъ чувствоваться разладъ и недовольство. Всѣ замѣчаютъ, что идутъ не туда, куда хотятъ. Толкуютъ о деревнѣ, а изъ деревни то и дѣло прибѣгаютъ поселенцы-революціонеры, которые не могутъ найти для себя новыхъ мѣстъ поселенія, и волей-неволей остаются въ городахъ. Отрицаютъ политику, а въ дѣйствительности что и дѣлаютъ такъ только политику. «Тяжело жилось в это время,—пишетъ одинъ народникъ*),—и всей партіи и каждому революціонеру въ отдѣльности. Всѣ чуяли, что фактически начинается какой-то поворотъ въ направленіи партіи, который можетъ привести къ тому, что она теперь теоретически отрицаетъ.

«Правительство, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, нанесло рѣшительный ударъ партіи въ менѣе укрѣпленномъ ея пунктѣ, — въ деревнѣ. „Деревенщина", выбитая изъ всѣхъ позицій, бѣжитъ въ городъ, наполняя собою ряды ожесточенныхъ и озлобленныхъ. Дѣятельность сосредоточивается въ городахъ; характеръ

*) Неизданныя воспоминанія народовольца.

и форма ея все болѣе выясняются. О деревнѣ, какъ о центрѣ революціонной дѣятельности, мало говорятъ, а если и заговорятъ, то, Боже мой, что за тоскливыя звуки и темы. Нѣтъ прежней убѣдительности въ доводахъ, нѣтъ прежняго жара въ чувствахъ. Люди, очевидно, за нее хватаются, какъ утопающій за соломину. Больно, тяжело и обидно отказаться отъ того, что такъ недавно еще наполняло все твое существованіе».

Это чувствовали бѣжавшіе въ города «деревенщики». Но горожане, въ томъ числѣ большая часть центра и редакціи и всѣ дезорганизаторскіе группы, уже начинали примиряться съ необходимостью перенести главный пунктъ революціонной дѣятельности изъ деревни въ городъ. Многіе члены партіи идутъ еще далѣе, требуя измѣненія программы, введенія политическаго элемента и сосредоточенія всей дѣятельности въ городахъ на борьбѣ съ правительствомъ и организаціи рабочихъ. Жизнь говоритъ за нихъ. Террористическіе факты и вооруженныя сопротивленія все продолжаются, вызываемые усиливающимися репрессаліями правительства. Колѣнкина и Малиновская оказываютъ вооруженное сопротивленіе въ Петербургѣ 14 октября 1878 г.; Синтянинъ—въ Харьковѣ, въ ноябрѣ; Чубаровъ—въ Одессѣ; Дубровинъ—въ Старой Русѣ, въ декабрѣ; въ январѣ 1878 г., Осинскій и Лешернъ фонъ-Герцфельдъ; въ февралѣ происходитъ въ Кіевѣ цѣлое сраженіе между Брантнеромъ, Антоновымъ съ товарищами и полиціей. 9-го февраля Гольденбергъ убиваетъ харьковскаго губернатора Крапоткина. А 13 марта Мирскій стрѣляетъ въ новаго шефа жандармовъ, Дрентельна, и стрѣляетъ по рѣшенію Большого Совѣта партіи, въ которомъ большинство — деревенщики. Страстные противники террора вынуждены постановить совершеніе террористическаго факта. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ изъ деревенщиковъ: «Я былъ въ это время въ Петербургѣ. Глубокими, неизгладимыми чертами врѣзалось то время въ моей памяти, и я разскажу, что возможно, оставаясь вѣрнымъ правдѣ. Когда я прибылъ въ Петербургъ, то уже была рѣшена еще одна смерть — Дрентельна. На мой вопросъ, чѣмъ этотъ джентельменъ заслужилъ такую незавидную участь, мнѣ представили нѣчто въ

родѣ обвинительнаго акта. Дрентельнъ, между прочимъ, виновенъ главнымъ образомъ въ томъ, что ввелъ ссылку въ Якутскую область въ систему. Не скажу, чтобы этотъ и многіе другіе пункты обвиненія казались мнѣ достаточно сильными и убѣдительными. Но мой голосъ тогда, конечно, не могъ уже имѣть значенія, такъ какъ приговоръ былъ уже произнесенъ всѣми членами совѣта, кромѣ одного, который совсѣмъ воздержался отъ голосованія.»

Итакъ, съ одной стороны борьба съ правительствомъ все усиливается и усиливается: съ другой, хотя большая часть силъ партіи была направлена въ деревню, никакихъ положительныхъ результатовъ здѣсь не было получено, тогда какъ въ городахъ, несмотря на то, что пропагандой неглижировали, получились результаты довольно серьезные. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону сформировались кружки рабочихъ довольно хорошо сплоченные. А въ 1878 году Степанъ Халтуринъ создалъ даже самостоятельную рабочую организацію *), которая въ теченіи короткаго времени пріобрѣла болѣе ста членовъ. Эта органи-

*) Весьма интересенъ разсказъ объ этомъ одного изъ нашихъ товарищей, знавшаго въ то время Халтурина: ,,Программа Сѣверно-русскаго рабочаго союза была составлена на цѣломъ рядѣ рабочихъ сходокъ, собиравшихся главнымъ образомъ въ одномъ изъ домовъ по 13-й линіи Васильевскаго Острова, возлѣ Малаго Проспекта, въ квартирѣ одного прикащика краснорядца. На нихъ бывало человѣкъ по 20 — 30 наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ, и главную роль и въ преніяхъ, и въ выработкѣ устава игралъ Степанъ Халтуринъ. Фактъ знаменательный: тотъ самый Степанъ, который года полтора спустя предлагалъ свои услуги Желябову, чтобы взнести Зимній дворецъ на воздухъ, во время составленія программы крайне отрицательно относился къ террористической дѣятельности интеллигенціи: ,,Животныя— окая по вологодски, съ негодованіемъ говорилъ онъ—они свою братію, чинарей, жарятъ, а мы за нихъ расплачивайся: ни сходокъ, ни организаціи, — ничего теперь нельзя дѣлать рабочимъ". Это недовѣріе рабочаго къ интеллигенту ясно сказалось и на самой программѣ, и на способѣ выработки ея. Степанъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто изъ интеллигентовъ не затесался при этомъ въ ихъ компанію и не желалъ, чтобы кто-нибудь изъ его товарищей хоть словомъ обмахнулся передъ интеллигентнымъ пріятелемъ насчетъ вырабатывавшейся программы. Вскорѣ Халтуринъ понялъ необходимость тѣсной связи между революціонной интеллигенціей, добивающейся низверженія самодержавія ради соціализма, и рабочей организаціей."

зація называлась „Сѣверно-Русскій рабочій союзъ“ и въ своей программѣ ясно указала, что политическая и экономическая борьба должна вестись параллельно. Даже самъ оффиціальный органъ партіи «Земли и Воли» указывалъ на довольно успѣшную дѣятельность между рабочими и рекомендовалъ обратить большое вниманіе на дѣятельность въ этой средѣ:

«Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей. Въ прошломъ, не безъ нѣкотораго основанія, мы обращали всѣ свои надежды, употребляли всѣ свои усилія—на деревенскую массу. Городской рабочій занималъ второстепенное мѣсто въ разсчетахъ революціонеровъ, ему посвящалось, можно сказать, только сверхштатная часть силъ. Въ городѣ пропаганда велась между дѣломъ, въ минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притомъ исключительно съ цѣлью выработать изъ городского рабочаго пропагандиста для деревни-же. Такое отношеніе къ дѣлу, естественно, исключало возможность какъ настойчивой, систематической пропаганды, такъ и, въ особенности, организаціи городскихъ рабочихъ, и въ настоящее время даетъ себя чувствовать очень плачевными результатами.

«Городской рабочій, несмотря на сравнительную незначительность затраченныхъ на него силъ, проникся идеями соціализма въ довольно сильной степени. Теперь уже трудно встрѣтить такую фабрику или заводъ, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, гдѣ нельзя было-бы найти рабочихъ-соціалистовъ».

Но всѣ эти факты были убѣдительны только для горожанъ, а деревенщики упорно стояли на прежнемъ способѣ дѣйствій, и разладъ между тѣми и другими все усиливался.

VIII

Въ началѣ 79 года пріѣхалъ въ Питеръ Александръ Соловьевъ съ твердымъ намѣреніемъ убить царя, но не одинъ Соловьевъ думалъ въ то время о цареубій-

ствѣ. Обостряющаяся борьба революціонеровъ съ правительствомъ невольно должна была привести ихъ къ мысли направить ударъ въ самый центръ — поразить главу государственной машины. На югѣ эта мысль была очень популярна и Виттенбергъ *) въ Николаевѣ готовилъ покушеніе на Александра II, посредствомъ мины, которую должны были подложить подъ пристань въ день пріѣзда царя въ Николаевъ. Для этой цѣли Виттенбергъ вошелъ въ сношенія съ флотскими матросами и привлекъ нѣсколькихъ изъ нихъ къ участію. Они носили ему пироксилинъ, а боцманъ-матъ Логовенко даже бѣжалъ со службы и, поселившись съ Виттенбергомъ, совмѣстно съ нимъ готовилъ покушеніе. Послѣднее не состоялось вслѣдствіе ареста Виттенберга и Логовенко, по связи съ дѣломъ о вооруженной одесской демонстраціи во время суда надъ Ковальскимъ.

Почти одновременно съ Соловьевымъ пріѣхалъ, съ такимъ-же намѣреніемъ, изъ Харькова, Григорій Гольденбергъ. Они встрѣтили сочувствіе своей мысли среди приверженцевъ политической борьбы и терроризма. Были устроены частныя совѣщанія единомышленниковъ для обсужденія этого предпріятія. На этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе **) Александръ Михайловъ, Александръ Квятковскій, Александръ Соловьевъ, Зунделевичъ, Кобылянскій и Гольденбергъ. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что цареубійство должно быть совершено открыто, выстрѣломъ изъ револьвера. Вызвались совершить его Александръ Соловьевъ, Гольденбергъ и Кобылянскій. Предложенія двухъ послѣднихъ были отвергнуты въ виду того, что ихъ національность (одинъ былъ еврей, другой—полякъ) могла бросить ложный свѣтъ на совершившійся фактъ и произвести неблагопріятное впечатлѣніе на народъ; потому остановились на чисто русскомъ, Соловьевѣ. Администрація партіи внесла вопросъ на обсужденіе Большого Совѣта, стараясь получить его санкцію. Но и самъ Соловьевъ, и его единомышленники рѣшили совершить цареубійство во что-бы то ни стало, каково-бы

*) См. процессъ 28-ми, дѣло о вооруженной демонстраціи въ Одессѣ.

**) См. Процессъ 16-ти.

ни было постановленіе. Привожу описаніе засѣданія Большого Совѣта изъ воспоминаній одного изъ участниковъ.

«Засѣданіе имѣло быть весьма бурнымъ, и я опасался, чтобы оно не кончилось разрывомъ. Предметъ обсужденія—цареубійство. Администрація внесла это предложеніе въ Совѣтъ и желала выслушать его мнѣніе на этотъ счетъ. Мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзко раздѣлились. ,,Деревенщина" была противъ, а администрація и другіе члены были за предложеніе. Я не припомню такого бурнаго засѣданія, какъ это. ,,Деревенщина" пересыпала свои возраженія массой сарказмовъ и шпилекъ. Террористы держались очень сдержанно, хотя, очевидно, были сильно возбуждены. Я, конечно, былъ въ числѣ противниковъ цареубійства. Я, помнится, не вдавался ни въ какія теоретическія по этому поводу соображенія, а стоялъ лишь на практической почвѣ. Я доказывалъ, что тѣмъ способомъ, какимъ имѣется въ виду осуществить цареубійство, девяносто девять противъ одного говоритъ за полную неудачу попытки. Но покушеніе тѣмъ не менѣе окажетъ свое дѣйствіе: за нимъ послѣдуетъ *военное* положеніе, т. е. такое положеніе вещей, изъ котораго *единственнымъ* выходомъ можетъ быть вторичное, третичное—цѣлый рядъ покушеній на цареубійство, иниціативу и исполненіе которыхъ *должна* будетъ ужъ обязательно взять на себя *партія*, на собственный страхъ и рискъ. А потому, заключилъ я, не слѣдуетъ совсѣмъ начинать такое дѣло, исходъ котораго, мало того, что сомнителенъ, но обѣщаетъ массу замѣшательствъ. Замѣчательно, что противъ второго моего положенія возражали сторонники цареубійства, тѣ, которымъ, какъ я въ этомъ теперь убѣжденъ, именно *этого* и хотѣлось: на самомъ дѣлѣ все уже было предусмотрѣно и рѣшено; обратились-же они къ Совѣту главнымъ образомъ по настоянію Соловьева, которому сильно хотѣлось для дѣла своего заручиться санкціей землевольцевъ. Это во первыхъ. А во вторыхъ администрація и остальные наши террористы, очевидно хотѣли этимъ основательнѣе позондировать «деревенщину» и окончательно убѣдиться въ томъ, насколько они могутъ разсчитывать на нес, въ смыслѣ содѣйствія ихъ планамъ. Въ этомъ отношеніи цѣль администраціи была вполнѣ

достигнута. Въ Совѣтѣ ясно обозначились два полярно противоположныя теченія, которыя, если и не привели тогда къ расколу общества, то благодаря тому, что въ Совѣтѣ не было и трети всѣхъ членовъ Общества. Относительно-же предполагаемаго покушенія деревенщина (большинство Совѣта) потребовала, чтобы администрація передала Соловьеву несочувствіе его предпріятію».

Несмотря на неблагопріятное постановленіе Большого Совѣта, Соловьевъ съ товарищами, какъ и рѣшили раньше, продолжали готовиться къ покушенію. Алекс. Михайловъ выслѣживалъ царя, Соловьевъ практиковался въ стрѣльбѣ изъ револьвера. Всѣмъ нелегальнымъ посовѣтовали по возможности перебраться на время изъ Петербурга, въ виду массовыхъ обысковъ и арестовъ. 2-го апрѣля Соловьевъ стрѣлялъ въ царя. Правительство отвѣтило настоящимъ терроромъ. Были назначены генералъ-губернаторы съ громадными полномочіями, такъ что большая часть Россіи оказалась на осадномъ положеніи. Военные суды, сопровождаемые висѣлицами, дѣйствовали почти непрерывно. 13-го апрѣля судятъ за вооруженное сопротивленіе Дубровина, —20-го — онъ уже повѣшенъ. 30-го апрѣля въ Кіевѣ военный судъ приговариваетъ къ смерти Брантнера и Антонова (Свириденко); а 7-го мая — Осинскаго. 14-го мая устраивается имъ всѣмъ одновременно смертная казнь при обстановкѣ, бьющей на эффектъ; 25-го мая судятъ въ Петербургѣ Соловьева, а 28-го его торжественно казнятъ на Смоленскомъ полѣ. 7-го іюля приговоренъ въ Кіевѣ Бильчанскій, 14-го іюля—Ѳедоръ въ (Гобстъ),—18-го—оба казнены одновременно. 25-го іюля въ Одессѣ судъ надъ Чубаровымъ, Лизогубомъ, Виттенбергомъ и другими — и какъ результатъ его пять висѣлицъ: три въ Одессѣ 10-го августа, для Лизогуба, Чубарова и Давиденко; и двѣ въ Николаевѣ, для Виттенберга и Логовенко. О приговорахъ въ каторжныя работы и говорить нечего: они сыпятся десятками.

Революціонеры, хотя и противъ воли большинства, вынужденные обстоятельствами, бросили правительству вызовъ на смертный бой. Возврата назадъ не было. Нужно было итти впередъ по избранному пути, такъ какъ всѣ другіе были закрыты. Отступить — значило подписать смертный приговоръ партіи. . . Послѣдніе

остатки деревенщиковъ бѣгутъ въ города. Повальные обыски и, какъ ихъ послѣдствія, массовые аресты вырываютъ многихъ членовъ партіи. Силы теряются. Движеніе впередъ, очевидно, не можетъ продолжаться при старой программѣ партіи. Это ясно поняли наиболѣе живые и энергичные члены городскихъ группъ партіи.

Вотъ что пишетъ по этому поводу авторъ біографіи Желябова: «Въ 1879 году нѣкоторая часть землевольцевъ,—убѣжденная, что при нашихъ условіяхъ игнорированіе политическаго элемента и уступка правительству въ такъ или иначе завязавшейся борьбѣ — были-бы равносильны самоубійству партіи, — начала нѣсколько измѣнять прежній характеръ дѣйствія. Лица, придерживавшіяся этого взгляда, скоро пришли къ убѣжденію въ необходимости измѣнить всю программу и довести свои силы до возможности оказывать сильное сопротивленіе правительству, — если-же оно не откажется отъ своей системы, то они рѣшились поставить государственный переворотъ прямою цѣлью партіи. Все это представлялось въ то время крайне непопулярнымъ новшествомъ, конституціонализмомъ и т. п. Поэтому новаторы принуждены были дѣйствовать очень осторожно. Они не теряли надежды, что вся «Земля и Воля» окажется способной понять требованія времени, но надежды эти не могли быть велики, а поэтому они старательно разыскивали поддержку вездѣ, гдѣ было можно. Желябовъ былъ однимъ изъ людей, обратившихъ на себя ихъ вниманіе, и онъ дѣйствительно оказался ихъ единомышленникомъ, такъ что весною 1879 года онъ уже былъ постояннымъ союзникомъ землевольскихъ «террористовъ», какъ ихъ тогда, — очень неправильно — называли.

«Въ 1879 г. осенью, согласно уставу «Земли и В.», долженъ былъ собраться общій съѣздъ землевольцевъ для окончательнаго обсужденія дѣлъ и постановки практическихъ задачъ организаціи, впредь до слѣдующаго съѣзда. Для этого собранія выбранъ былъ Воронежъ, какъ мѣсто, куда дешевле всего было съѣхаться большинству членовъ. Новаторы очень желали воспользоваться съѣздомъ для окончательнаго упроченія реформы. Самые-же рьяные охранители старой программы, напротивъ, надѣялись, что на съѣздѣ

имъ удастся искоренить изъ «Земли и Воли», даже тѣ ростки новшества, которые успѣли туда проникнуть.

«Въ виду такого положенія вещей, новаторы рѣшили, за нѣсколько дней до Воронежскаго съѣзда, собрать свой по близости, въ Липецкѣ, съ тѣмъ, чтобы взвѣсить силы и явиться въ Воронежъ уже съ ясно опредѣленной программой и съ полнымъ представленіемъ о томъ, насколько обстоятельства позволяютъ быть требовательными.

«Воронежскій съѣздъ былъ исключительно Землевольческимъ. Липецкій съѣздъ былъ организованъ, главнымъ образомъ, землевольцами-новаторами, по соглашенію съ нѣкоторыми сторонними лицами, въ томъ числѣ и Желябовымъ. Приглашены-же были на съѣздъ люди изъ разныхъ мѣстъ и кружковъ, не имѣвшіе пока между собою ничего общаго, кромѣ сознанія необходимости измѣнить программу, въ смыслѣ усиленія въ ней политическаго элемента, организаціонной централизаціи и активной борьбы.

«Желябовъ не былъ „землевольцемъ", точно такъ же, какъ не были ими большая часть приглашенныхъ въ Липецкъ. Понятно, что Воронежцы ничего не знали о Липецкомъ съѣздѣ, который вообще былъ организованъ въ строгой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы новое направленіе не встрѣтило отпора, прежде чѣмъ окрѣпнетъ. На съѣздъ приглашены были тѣ изъ вліятельныхъ людей, которые уже раньше заявили себя сторонниками реформы».

Вотъ что пишетъ тотъ-же авторъ о самомъ съѣздѣ и взглядахъ, проводившихся на немъ:

«Что касается этихъ взглядовъ, то ихъ можно срезюмировать слѣдующимъ образомъ: соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно-бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ-бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что, при ихъ отсутствіи, никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи

тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ идейная борьба. Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ нибудь такомъ, достиженіе чего давало-бы прочное основаніе политической свободѣ и стремленіе къ чему моглобы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности.

«Такимъ основаніемъ нѣсколько позднѣе, какъ извѣстно, явилось «Учредительное Собраніе» и принципъ «Народной Воли».

«Порѣшивши утвердительно—хотя въ довольно неопредѣленной формѣ—этотъ вопросъ, съѣздъ перешелъ къ обсужденію того, какъ соціально-революціонная партія должна отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились, въ видѣ отместки, на 2 апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще болѣе опредѣленны. Онъ доказывалъ, что, если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченіе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣритъ, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденія, то тогда для партіи просто немыслимо безучастно относиться къ такимъ крайнимъ проявленіямъ тираніи, какъ Тотлебенскія и Чертковскія расправы, иниціатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія должна сдѣлать все, что можетъ: если у ней есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватаетъ силы только наказать его лично, она должна это сдѣлать; если-бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но силъ хватитъ, безъ сомнѣнія, и силы будутъ рости тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.

«Въ такомъ духѣ говорилъ Желябовъ, и особенныхъ возраженій этому на съѣздѣ не было. Этотъ вопросъ былъ для всѣхъ ясенъ до очевидности, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе накипали въ это время на душѣ каждаго порядочнаго человѣка...

«...Нѣкоторыя лица указывали на терроръ какъ на средство борьбы, даже какъ на едиственное почти средство; нѣкоторые ставили задачей партіи—дости-

женіе извѣстныхъ правъ; другіе — народоправленіе; третьи — захватъ власти самой партіей. Но очевидно, что всѣ эти мнѣнія расходятся лишь въ оттѣнкахъ.

«Третій вопросъ, подлежавшій обсужденію, былъ вопросъ о типѣ организаціи... Подъ вліяніемъ доказательствъ другихъ лицъ, съѣздъ порѣшилъ, однако, организаціонный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны.»

Лица, съѣхавшіяся на Липецкомъ съѣздѣ, выработавъ основаніе новой программы, организовали «Исполнительный Комитетъ», который — послѣ раскола «Земли и Воли» — сталъ центромъ новой партіи («Народной Воли»). По окончаніи Липецкаго съѣзда, бывшіе тамъ землевольцы и нѣкоторые изъ приглашенныхъ ими другихъ лицъ уѣхали въ Воронежъ на собиравшійся въ то время общій съѣздъ землевольцевъ.

IX.

Въ концѣ іюля собрался Воронежскій съѣздъ. Привожу цѣликомъ описаніе этого съѣзда изъ воспоминаній одного изъ участниковъ. Только я долженъ оговориться, что упоминаемая имъ лига цареубійства очевидно, есть ни что иное какъ «Исполнительный Комитетъ» организовавшійся на Липецкомъ съѣздѣ. Такъ какъ новая программа и самый съѣздъ въ Липецкѣ были извѣстны очень немногимъ и то лишь по слухамъ, то, очевидно, авторъ воспоминаній, зная только одну изъ цѣлей новой фракціи, и выставилъ ее, какъ единственную.

«Администрація З. и В., по иниціативѣ одного изъ членовъ деревенщины, предложила устроить съѣздъ всѣхъ землевольцевъ въ Воронежѣ. Это была очень счастливая мысль. Само время требовало этого. Администрація сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія, чтобы съѣздъ непремѣнно состоялся къ назначенному сроку, т. е. къ 20 іюля, если не ошибаюсь. Посланы были извѣщенія во всѣ концы, гдѣ были разсѣяны землевольцы. Землевольцы стали по немногу съѣзжаться. Въ виду громаднаго значенія предстоящаго конгресса, собравшіеся раньше землевольцы рѣшили устроить нѣсколько предварительныхъ частныхъ совѣщаній. Это была благоразумная мѣра. Необходимо было

прежде всего спѣться въ главномъ, чтобы облегчить такимъ образомъ работы конгресса. Желаніе-же спѣться было въ то время преобладающимъ. Прежнее раздраженіе улеглось очевидно, и никто не желалъ разрыва. Такихъ частныхъ совѣщаній было 5 или 6. На нихъ были отмѣчены и поставлены тѣ вопросы, которые подлежали обсужденію и окончательному рѣшенію конгресса. Съ особенной тщательностью разсматривался и обсуждался, пунктъ за пунктомъ, главный предметъ обсужденія — программа. Намѣчены необходимыя измѣненія и дополненія. Въ связи съ программой былъ, конечно, «рабочій» вопросъ того времени—терроръ вообще и цареубійство въ частности. Несмотра на жаръ, съ которымъ обсуждались эти послѣдніе на предварительныхъ совѣщаніяхъ, общее настроеніе было таково, что можно было навѣрное разсчитывать, если не на полное, то во всякомъ разѣ на такое соглашеніе, которое было-бы вполнѣ достаточно для сохраненія цѣлости общества.

«Наконецъ, всѣ члены собрались, и конгрессъ открылъ свои засѣданія. Всѣхъ засѣданій было 4 — 5. Засѣданія происходили на открытомъ воздухѣ, то въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ и живописныхъ уголковъ ботаническаго сада, то въ рощѣ, то на рѣкѣ Воронѣ. Прежде всего приступили къ выбору президента, который руководилъ-бы преніями и формулировалъ постановленія конгресса. Первымъ очереднымъ вопросомъ была, само собою, программа, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Основныя положенія землевольческой программы остались неизмѣнными. Центръ тяжести революціонной дѣятельности долженъ, попрежнему, обязательно лежать въ народѣ. Экономическая революція —цѣль этой дѣятельности. Въ пунктѣ, трактующемъ объ агитаціи въ деревнѣ, сдѣлапо было весьма важное, въ практическомъ смыслѣ, дополненіе: *признается* *) *необходимымъ и своевременнымъ организовать въ деревнѣ систему террора*, подобную ирландскому риббонизму. Пунктъ этотъ характеренъ въ двоякомъ отношеніи. Во первыхъ онъ рисуетъ *общее* настроеніе того времени: террористическая окраска составляетъ основной тонъ его, такъ что даже „деревенщина" и та не могла

---

*) Вездѣ курсивъ принадлежитъ автору воспоминаній.

освободиться отъ этого. А во вторыхъ, онъ ясно указываетъ, какіе успѣхи „деревенщина“ сдѣлала въ смыслѣ изученія и ознакомленія съ условіями деревенской революціонной дѣятельности. Несомнѣнно, что аграрному террору, какъ *особой формѣ агитаціи съ цѣлью революціонной организаціи въ деревнѣ* принадлежитъ въ ближайшемъ будущемъ блестящая роль. Современныя экономическія условія, все болѣе и болѣе осложняющіяся, будутъ императивно гнать народъ на этотъ путь. И плоха будетъ революціонная партія, если она не съумѣетъ воспользоваться уже готовыми, такъ сказать, самимъ народомъ созданными, фактами. Заслуга „деревенщины“ состояла въ томъ, что она предвидѣла возможность зарожденія аграрнаго террора, а потому она и требовала, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ ей, т. е. интеллигенціи революціонной. Пунктъ этотъ былъ принятъ единогласно, и даже сторонники политическаго (городского) террора весьма сочувственно отнеслись къ постановленію конгресса— предоставить въ распоряженіе „деревенщины“ необходимыя средства и людей, способныхъ и готовыхъ заняться этимъ дѣломъ въ деревнѣ. Второе предложеніе, стоявшее на очереди, былъ политическій терроръ—это яблоко раздора между землевольцами. Предложеніе это дебатировалось такъ страстно и бурно, что президенту съ большимъ трудомъ удалось водворить порядокъ въ преніяхъ и формулировать въ окончательномъ видѣ преобладающее мнѣніе конгресса на этотъ счетъ. Я думаю, что буду близокъ къ истинѣ, если выражу его такъ: политическій терроръ, какъ форма борьбы, признается лишь, какъ *крайняя и исключительная мѣра для даннаго спеціальнаго случая.* Третье предложеніе, подлежавшее обсужденію, касалось Лиги цареубійства и ея цѣли. Петербугская секція «Исполнительнаго Комитета» (бывшая дезорганизаторская группа) констатировала на конгрессѣ фактъ организаціи Лиги съ цѣлью цареубійства. Такъ какъ Лига была тѣсно связана съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» *), а черезъ него съ обществомъ З. и В., то естественно, конгрессъ обязательно долженъ былъ рѣшить, въ какія отноше-

*) «Исполнительный комитетъ» Осинскаго т. е. Дезорганизаторская группа «З. и В».

нія стать ему къ Лигѣ: оказать-ли ей поддержку матеріальную и нравственную, или-же, наоборотъ, разорвать всякія съ нею связи и, такимъ образомъ, снять съ себя отвѣтственность за предполагаемое цареубійство? Вопросъ, въ окончательномъ счетѣ, сводился, стало быть, на цареубійство: сочувствовать-ли ему или нѣтъ? Террористы, оставаясь вѣрными себѣ, высказались въ пользу цареубійства вообще и даннаго въ особенности. «Деревенщина»-же, отрицая политическій терроръ вообще, отвергла само собой цареубійство, какъ орудіе борьбы. Но по отношенію къ *данному* случаю въ средѣ деревенщины произошло раздвоеніе. Одни (слабое большинство) отнесли данный случай къ тѣмъ *спеціальнымъ* и *исключительнымъ*, которые рѣшены уже конгрессомъ въ утвердительномъ смыслѣ; стало быть, обязательно всячески содѣйствовать планамъ и намѣреніямъ Лиги. Мотивы, которые они приводили въ пользу своего мнѣнія, были приблизительно таковы. Военные законы создали у насъ такое положеніе вещей, противъ котораго долженъ бороться всякій свободный человѣкъ. Отвѣтственность поэтому падаетъ цѣликомъ на главнаго виновника—Александра II. Это во первыхъ, а во вторыхъ, благодаря военному положенію, немыслимо *теперь* разсчитывать на организацію аграрнаго террора. Аграрный терроръ требуетъ предварительной работы, которая можетъ затянуться на неопредѣленное время, а этимъ временемъ правительство успѣетъ не разъ разбить насъ на голову. Весь предшествующій намъ опытъ прекрасно иллюстрируетъ это. А потому, въ третьихъ, принимая во вниманіе все высказанное, цѣлесообразно *теперь*-же прибѣгнуть къ такому поводу для агитаціи въ народѣ, который *скорѣй* и *вѣрнѣй* вызвалъ-бы эту послѣднюю, чѣмъ напр., аграрный терроръ. Цареубійство-же, по огромному его значенію, можетъ сыграть такую роль. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ сравнить убійство «божьей милостью» Александра II съ убійствомъ, напр., какого-нибудь ничтожнаго кулака-міроѣда? Это была, конечно, черная ересь, которая глубоко возмутила правовѣрное меньшинство «деревенщины». Начались безконечные споры и препирательства. Президентъ вынужденъ былъ объявить пренія по этому вопросу оконченными и предложеніе передано было на голосованіе. *Большинствомъ голосовъ*

рѣшено: оказать Лигѣ содѣйствіе и деньгами и людьми. Террористы торжествовали. Въ числѣ самыхъ ярыхъ противниковъ террора вообще и цареубійства въ особенности былъ одинъ изъ редакторовъ «З. и В.» Результаты голосованія привели его въ ярость. Точно ужаленный, вскочилъ онъ съ мѣста и разразился страстной, ѣдкой филиппикой противъ конгресса. Въ заключеніе онъ заявилъ, что ничего общаго не имѣетъ съ людьми, которые измѣняютъ народному дѣлу. И онъ оставилъ конгрессъ. На другой день во время засѣданія конгресса, бывшій редакторъ прислалъ собранію протестъ, составленный спокойно, сжато и выразительно. Протестантъ, между прочимъ, помнится, рекомендуетъ вниманію конгресса весьма любопытную исторію революціоннаго движенія въ Австріи 48 года. Особенно подчеркиваетъ онъ то содѣйствіе, которое оказывали полицейскіе-крестьяне австрійскому правительству въ подавленіи революціонныхъ стремленій. Протестъ остался безъ дѣйствія. Работы конгресса продолжались своимъ чередомъ. Покончивши съ программой во всѣхъ ея частяхъ, приступлено было къ органу. Постановили, чтобы «Земля и Воля» сохранила то направленіе, которое выражено въ исправленной и дополненной на конгрессѣ программѣ. Дѣло стало за редакціей органа. Въ редакціи остались два прежнихъ редактора, оба—террористы. Нуженъ, по меньшей мѣрѣ, еще одинъ. «Деревенщинѣ» естественно хотѣлось, чтобы въ редакцію попалъ ея сторонникъ. И дѣло это уладилось: былъ выбранъ, если не ошибаюсь, народникъ. «Деревенщина» была также сильно озабочена тѣмъ, чтобы въ администраціи усилить элементъ чисто народническій. Прежняя администрація, какъ я уже упомянулъ, тянула сторону террористовъ. Выборъ палъ на президента конгресса. «Деревенщина» осталась очень довольна этимъ выборомъ. Но нельзя сказать, чтобы онъ былъ удаченъ. Не то, чтобы это была мелкая личность — напротивъ! И въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ она рѣзко выдавалась. Но для той роли, для которой она была предназначена, она совершенно не годилась. Философъ мнительный скептикъ, какимъ былъ президентъ, — не товарищъ боевымъ людямъ. Это и оправдалось вскорѣ. Насмотря на присутствіе въ Администраціи представителя отъ

«Деревенщины», Администрація продолжала по прежнему распоряжаться, тяготѣя больше къ интерессамъ террора.

,,Работа конгресса близилась къ концу. Просмотрѣли уставъ и провѣрили кассу. Рѣшено было, чтобы не больше $^{1}/_{3}$ имѣющихся суммъ тратилось на террористическую дѣятельность. Остальныя-же $^{2}/_{3}$ предназначаются исключительно для деревенской дѣятельности. Террористы слабо возражали противъ этого. Они хорошо знали, что никакихъ дѣлъ въ деревнѣ не предвидится, что людей для этого нѣтъ, а, стало быть, все это останется мертвой буквой; деньги по прежнему можно будетъ тратить на терроръ. И они не ошиблись. Чтобы покончить съ конгрессомъ, я долженъ сказать, что на одномъ изъ первыхъ еще его засѣданій было предложено и принято обѣими сторонами — террористами и народниками—много новыхъ лицъ въ Общество. Въ такомъ реорганизованномъ видѣ Общество «Земля и Воля» представляло собою довольно солидную революціонную силу. Все, что было лучшаго въ революціонной средѣ, независимо отъ окраски, примкнуло къ Обществу. Желаніе дѣйствовать сообща было преобладающимъ. Ни террористы, ни народники не хотѣли разбрестись врозь въ эту тяжелую годину существованія революціонной партіи. Это во первыхъ. А, во вторыхъ, какъ не велико было разногласіе во мнѣніяхъ террористовъ и народниковъ, но старыя товарищескія симпатіи, традиціи недавняго общаго прошлаго съ его жертвами и побѣдами, радостями и печалями, тѣни, наконецъ, погибшихъ товарищей, все это, на время, по крайней мѣрѣ, одержало верхъ, и ослабѣвшія было узы Общества снова окрѣпли. Конгрессъ закрылъ свои засѣданія. Всѣ разъѣхались успокоенные и примиренные. «Деревенщина» осталась также довольна. Она, повидимому, приняла всѣ мѣры, чтобы обезпечить свое дѣло. Но это только повидимому. На самомъ же дѣлѣ, какъ это скоро обнаружилось, все дѣло единенія было построено на пескѣ.“

Соглашеніе, происшедшее на Воронежскомъ съѣздѣ, было только кажущееся. Члены новой фракціи, образовавшейся на Липецкомъ съѣздѣ, поѣхали на Воронежскій съ единственной только цѣлью: провести на съѣздѣ выработанную ими новую программу. Общее

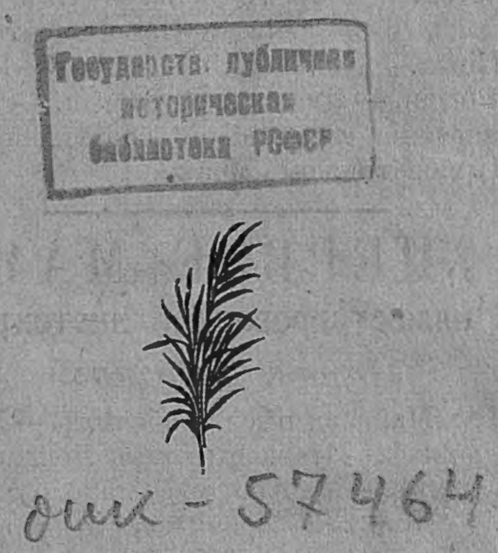
настроеніе большинства съѣхавшихся землевольцевъ съ перваго же раза ясно указывало на то, что программа Липецкаго съѣзда пройти не можетъ, а потому приверженцы этой новой программы даже не развивали ея полностью въ Воронежѣ. Они временно удовольствовались признаніемъ со стороны съѣзда своевременности цареубійства. Но они ясно понимали, что этимъ они удовлетвориться не могутъ, что не сегодня-завтра партія должна расколоться. Соглашеніе давало имъ возможность лишь выиграть время и смягчить впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести неизбѣжный расколъ, также чтобы обѣ фракціи разошлись, по возможности, безъ взаимнаго раздраженія. Вотъ что пишетъ по поводу этого авторъ біографіи Желябова:

«Съѣздъ кончился компромиссомъ. Было рѣшено, что программа ,,Земли и Воли'' остается неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена, и что, въ случаѣ казней, „Земля и Воля“ должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Тенденціи ,,Земли и Воли'' и ,,Листка Земли и Воли'', которыхъ обвиняли въ измѣненіи программы (и, по моему, совершенно справедливо), были признаны согласными со взглядами партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить.

«Понятно, всѣ эти рѣшенія совсѣмъ не удовлетворяли новаторовъ. Теперь энергическая дѣятельность становилась невозможной ни въ одну сторону. Единственная выгода, которую они пріобрѣтали—нѣкоторыя матеріальныя средства, которыя можно было пустить на новое дѣло. Всѣ ясно понимали неизбѣжность разрыва, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Но у новаторовъ сохранилась надежда, что, при болѣе продолжительныхъ переговорахъ, при лучшемъ ознакомленіи съ дѣлами, если не всѣ, то большая часть консерваторовъ перейдетъ на ихъ сторону. Во всякомъ случаѣ разрывъ, при еще не установившихся связяхъ и средствахъ, былъ для ,,народовольцевъ'' крайне нежелателенъ.

«Немедленно послѣ съѣзда террористы разъѣхались въ С.-Петербургъ, Одессу, Харьковъ, Кіевъ, Москву, чтобы воспользоваться временемъ и склонять повсюду людей партіи на свою сторону.»

что-же дѣлали деревенщики? Въ деревню итти пропагандировать они не могли; тѣмъ паче они не могли практиковать аграрный терроръ, за который такъ сильно ратовали. И пришлось имъ остаться въ городахъ и здѣсь заниматься, подобно членамъ новой фракціи, проповѣдью и вербовкой послѣдователей... неизвѣстно, для чего. Это, конечно, повело къ постояннымъ столкновеніямъ между членами обѣихъ фракцій. Являлась полная аномалія: члены одной и той-же партіи группируютъ въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ людей во имя различныхъ принциповъ. Такъ продолжаться не могло далѣе, и уже черезъ мѣсяцъ послѣ Воронежскаго съѣзда были назначены делегаты съ обѣихъ сторонъ для выработки соглашенія. Суть его была слѣдующая: Общество „Земли и Воли", какъ и печатный его органъ, прекращаютъ свое существованіе; ни одна изъ двухъ образующихся фракцій не имѣетъ права присвоить прежняго имени ни своей организаціи, ни своему органу; матеріальныя средства раздѣляются поровну; наконецъ, обѣ фракціи обязуются оказывать одна другой всевозможную поддержку... „Земля и Воля" распалась: изъ сторонниковъ новой программы Липецкаго съѣзда была организована партія „Народной Воли"; „деревенщики" же образовали „Черный Передѣлъ".

Листки „ЖИЗНИ“

(Цѣна 10 сант. каждый.)

Содержаніе No 1: Отъ редакціи. — Массовыя возстанія крестьянъ въ Харьковской и Полтавской губ. (2 письма изъ Россіи).

Содержаніе No 2: Казнь С. В. Балмашева. — Разсказъ Крыльцова, Л. Н. Толстого.—Звѣрство фонъ-Валя.—Письма изъ Россіи: Изъ Севастополя. — Письмо матроса къ товарищамъ. — Слухъ о Тульскомъ происшествіи. — Приказъ капитана надъ севастопольскимъ портомъ. — Приказъ старшаго флагмана черноморской флотской дивизіи. — Отъ редакціи.—Изъ Вержболова.—Полицейскій курьезъ.

Содержаніе No 3: Письма и прокламаціи изъ Россіи: Воззваніе къ студентамъ. — Жизнь студентовъ въ пересыльной тюрьмѣ «Бутырки».—Изъ разговоровъ съ русскими людьми разныхъ званій и положеній.—Письмо съ дороги.—Разговоръ въ вагонѣ.—Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.

Содержаніе No 4: Памяти С. В. Балмашева (стих.).—Министръ розги и висѣлицы.—Экзекуція, Л. Н. Толстого.—Ѳ. М. Достоевскій о тѣлесномъ наказаніи. — Стыдно! Л. Н. Толстого. — Вѣсти изъ Финляндіи.—Письма и прокламаціи изъ Россіи: Изъ г. Валокъ, Харьковской губ. — 1-ое мая. — Къ товарищамъ. — Солдаты къ солдатамъ. — Циркуляръ министра финансовъ.

Содержаніе No 5: Къ студентамъ, стих. — Либерализмъ Плеве. — Воззваніе международнаго соціалистическаго бюро. — Коллективное обращеніе русскихъ колоній заграницей къ иностранной прессѣ. — Открытіе памятника П. Л. Лаврова. — Японцы о звѣрствахъ русскаго правительства. — Изъ Либавы. — Изъ Литвы. — Духовное освобожденіе духовнаго сословія. — Изъ Саратова. — Изъ Кіевской губ. — Изъ гор. Кіева. — Приказъ по полку. — Новый пропагандистъ штундизма въ Россіи. — Письмо баптистки. — Циркуляры министра финансовъ. — Заявленіе латышской соціалдемократической рабочей организаціи въ Прибалтійскомъ краѣ.

„ПЕРВОЕ МАЯ“

майскій иллюстрированный листокъ „ЖИЗНИ“

(цѣна 1 франкъ.)

Содержаніе: Майская пѣсня рабочихъ. — Майскій праздникъ. — Первое мая въ Цюрихѣ. — Первое мая въ Лондонѣ. — Первая майская демонстрація въ Либавѣ. — Майское утро народовъ.—Къ товарищамъ!— Христова Ночь. — Привѣтъ французскаго товарища. — Праздники наслажденія и праздники борьбы. К. Каутскаго. — Борющейся Россіи. Авг. Бебеля. — Русскимъ рабочимъ. Энрико Ферри. — Буря (стих.). — Къ рисункамъ. *Рисунки* Вальтера Крэна: Пролетаріатъ и самодержавіе.—Капитализмъ, трудъ и социализмъ.